

Созерко Мальсагов

**Адский остров. Советская тюрьма
на далёком севере**

«Нас разъединила стихия...»

*«И непосилен для одинокого пера весь
объем этой истории и этой истины.
Получилось у меня только щель смотровая на
Архипелаг, не обзор с башни. Но к счастью,
еще несколько выплыло и выплывает книг».*

*А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»
т. II.*

Заглавие этих набросков — строки из письма Созерко Мальсагова к своей семье через сорок лет небытия. «Век-волкодав» своим кровавым колесом прокатился по многим судьбам, и в трагедии семьи моей мамы, как в кристалле, отразились все главные катаклизмы двадцатого века — революции, войны, эмиграции. И проявилось главное — при любых обстоятельствах человек может оставаться человеком, сохраняя и пронося через все чистилища в качестве главного и бесценного своего богатства — честь и достоинство. Эта «непрогнутость по линии достоинства» заставила моего деда и его семью всю свою жизнь бороться за свою судьбу и честь «по разные линии баррикад».

Сегодня нам этот идеал чести представляется в определенном смысле некоей абстракцией, требующей серьезного умственного и душевного напряжения, ибо мы (я говорю о своем лживом поколении, расцветшем в «сакраментальные» семидесятые) были обработаны в совершенно иных «идеологических» эмпирях. И, может быть, поэтому у нас болезненный интерес к различным личным свидетельствам, к личностям, сумевшим сохранить свою индивидуальность, вообще к неведомому нам любому могучему проявлению человеческого духа. Выросшие во лжи, мы испытываем почти физиологическую усталость от нее.

Когда я впервые прочитала письма своего деда, главная моя мысль была следующая: «Боже, как сложно они жили!» Сложно, естественно, не в смысле обилия трагических обстоятельств, хотя и это очень важно, а в нравственном смысле. «Несмотря на все невзгоды — сталинские тюрьмы, концлагеря, бегство, эмиграции, войны (в которых мне также не везло, как и в жизни) — остался верным отцом и честным человеком! Свидетелем тому является Аллах! Этот мой багаж чести пригодится и вам в вашей будущей жизни!» Это Созерко Мальсагов пишет своим 43-х и 40-летней дочерям, а поскольку мы, внуки, в то время пребывали в счастливом периоде отрочества, то, как я понимаю, эти строки главным образом предназначались нам — третьему поколению семьи. Из неведомого и страшного далека нам был голос, который мы обязаны были услышать...

Созерко Артаганович Мальсагов родился в далеком XIX веке и был человеком своего времени. Кадровый военный, выпускник кадетского корпуса, офицер кавалерии, он встретил семнадцатый год, как и должен был его встретить: согласно присяге и убеждениям стал

бороться против новой власти. Катастрофа Кавказской армии была личной катастрофой С. Мальсагова.

После долгих колебаний и размышлений он сделал роковую для себя попытку приспособиться к новой жизни. В 1923 году он добровольно сдался в руки офицеров ЧК, поверив в амнистию 1922 года, согласно которой Совет народных комиссаров РСФСР обещал полное прощение белогвардейцам «всех рангов и категорий». Амнистия обернулась ссылкой на Соловки в 1924 году. Владикавказская ЧК вынесла следующий приговор: «По приказу административной комиссии народного комиссариата внутренних дел по высылке граждан Мальсагов признан виновным в преступлениях против основ государства, предусмотренных статьями 64 и 66 Уголовного кодекса РСФСР. Статья 64 — «Организация террористических актов и сотрудничество с иностранцами», статья 66 — «Шпионаж в пользу международной буржуазии». (Через десять — пятнадцать лет эти статьи сольются в зловещую Пятьдесят Восьмую, окончательно сгубившую страну).

Что пришлось пережить на Соловках, мой дед подробно описал в своей легендарной книге «Адские острова», изданной в Лондоне в 1926 году. В своем фундаментальном исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицын документально утверждает, что первые концлагеря в Советской России были созданы в 1918 году. «В августе 1918 года, за несколько дней до покушения на него Ф. Каплан Владимир Ильич в телеграмме к Евгению Бош и пензенскому губисполкому (они не умели справиться с крестьянским восстанием) написал: «сомнительных (не «виновных», но сомнительных — А.С.) запереть в концентрационный лагерь вне города». А кроме того: «.. провести беспощадный массовый террор...» (это еще не было декрета о терроре).

А 5 сентября 1918 г., дней через десять после этой телеграммы, был издан Декрет СНК о Красном Терроре, подписанный Петровским, Курским и В. Бонч-Бруевичем. Кроме указаний о массовых расстрелах в нем в частности говорилось: «обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в **концентрационных лагерях**» (Собрание Узаконений РСФСР за 1918 г., № 65, статья 710). Так вот где — в письме Ленина, а затем в декрете Совнаркома — был найден и тотчас подхвачен и утвержден этот термин —

концентрационные лагеря — один из главных терминов XX века, которому предстояло широкое международное будущее! И вот когда — в августе и сентябре 1918 года. Само-то слово уже употреблялось в Первую мировую войну, но по отношению к военнопленным и нежелательным иностранцам. Здесь оно впервые применено к гражданам собственной страны»^[1] (Разрядка А. Солженицына — М.Я.). Четко, жестко и логично, а главное — правдиво. Подтверждением тому — одно из самых первых в мире свидетельств — книга деда о Соловецком концлагере.

Следующими известными свидетельствами о Соловках 20-х годов являются книга товарища деда по побегу Ю. Бессонова «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» и книга Б. Ширяева «Неугасимая лампада». Первая вышла в свет в 1928 году в Париже, вторая значительно позже и тоже на Западе.

Ю. Бессонов и Б. Ширяев несомненно обладали незаурядным беллетристическим даром. Их вещи — эмоционально пронзительны, изысканны стилистически. Продолжением этой линии в лагерной тематике впоследствии стали произведения О. Волкова, Е. Гинзбург, Л. Разгона.

«Адские острова» С. Мальсагова — иная линия. В его книге намечены пунктиры, которые годы спустя в трагической энциклопедии А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» разовьются в монументальный «эпос», обжигая каждого, имеющего Бога в душе, фактами, анализом, обобщением.

С. Мальсагов так и написал во вступлении, что рассматривает свой труд как небольшую часть «гигантского обвинительного приговора, который «русский народ, все человечество, история и Бог» предъявят в свое время. А. Солженицын явил миру эту дьявольскую «страну эпоса» именно как приговор, как обвинение всякому террору, всякому насилию, в какие бы идеологические одежды они не рядились.

Поэтому я усматриваю главное достоинство книги «Адские острова» именно в том, что она открывает историю досталинского ГУЛАГа. Тридцать седьмой и все последующие годы были логическим продолжением морального и физического унижения человеческой личности, нравственного растрепания и оскудения, начавшегося в годы гражданской войны. Книга воспринимается как самый первый

приговор против «вопиющего эгоизма, черствости, непостижимого бессердечия», которые «привили несчастному народу России»... [2].

Книга «Адские острова» — жесткое, далекое от беллетристического, лаконичное и концентрированное повествование лично пережитого. Это свидетельство человека, волею судьбы оказавшегося в горниле тяжких испытаний; человека, изначально не принявшего идею социализма, всей своей жизнью утверждавшего право на инакомыслие, свободу в своих поступках и решениях. Это взгляд личности, офицера царской армии с воспринятым и тщательно лелеемым кодексом чести русского офицера. Но главное — это поведение и мироощущение ингуша, обреченного на свободное дыхание своим генетическим кодом, человека, который не мог и не хотел быть унижаемым и уничтоженным.

С. Мальсагов описал Соловецкий концлагерь 24–25 годов (в январе 1924 года он попал туда, а в мае 1925 года с товарищами совершил побег). Сейчас мы уже знаем, что это были не худшие годы во всей страшной истории существования СЛОНа (Соловецкого лагеря особого назначения, впоследствии переименованного в СТОН — Соловецкая тюрьма особого назначения).

Все 24 главы книги — попытка анализа системы подавления личности в тюрьмах и лагерях Советской России 20-х годов, когда были заложены основы и принципы этого жуткого государства в государстве, называемого ГУЛАГом. С. Мальсаговым лаконично описано все: условия быта, работы, пища, лечение, положение заключенных разных категорий, жизнь чекистов, положение женщин, экономическая политика СЛОНа и т. д. Все страшно — от системы «перевоспитания», заключающейся в том, чтобы привести к «абсолютной покорности» русский народ, до конкретной человеческой судьбы, описанной с большой долей сострадания и уважения (например о враче Львовой и о 17-летней польке, сосланной на Соловки на 10 лет).

Главнейшими принципами в репрессивной политике Советской власти изначально были пренебрежение к человеку, подавление его достоинства. Была перейдена та грань, после которой расстрел без суда и следствия одного человека или сразу трехсот одинаково возможен. Но главное — растапывалась вера в Бога, выкорчевывалось из души то, что не позволяло веками выпасть человеку из духовного

пространства. Божественного притяжения. Его выпихивали пинками и выстрелами в жуткую, холодную и неизвестную галактику новой жизни, в которой человек человеку — зверь. Эту первопричину почувствовал глубоко верующий ингуш Мальсагов, а осознав, ужаснулся и вопреки обывательскому здравому смыслу не «загасился», не спрятался в уютной Европе, а наоборот, «высунулся» и своей книгой забил в набат всему человечеству, еще не предполагавшему масштаба катастрофы, постигшей Россию.

Воспринимая сегодня книгу своего деда в контексте всей его многотрудной жизни, я убеждаюсь в том, что ничто не случайно в судьбе человека. Побегом с Соловков не закончилась его несчастливая одиссея. Испытания, выпавшие ему в 20-е годы, были ниспосланы Богом как проверка личностного запаса прочности, который во все последующие годы подвергался самым невообразимым испытаниям. Как библейский Иов, он должен был испить до дна чашу своих страданий...

После побега с Соловков в мае 1925 года С. Мальсагов через Финляндию попадает в Польшу, где сразу начал писать обо всем пережитом.

По рассказам Дженнет Скибневской^[3] (бывшей хорошо с ним знакомой весь польский период его жизни где-то с 1929 по 1939 годы) за эту публикацию в журналах, наделавшую много шума (позже книга была издана в Лондоне под названием «An island hell» дословно «Островной ад») в Европе, на С. Мальсагова два раза было совершено покушение сталинскими посланцами^[4].

Не сумев уничтожить беглеца физически, Отец народов и его команда подрядили в 1928 году на Соловки самого буревестника русской революции М. Горького с целью опровергнуть «клевету» врагов Советской власти. Горький отлично справился с заданием, написав свой знаменитый очерк «Соловки». Видимо после этого, где положено решили, что общественность Европы и мира достаточно одурманена, и С. Мальсагова на некоторое время оставляют в покое.

В Польше, как свидетельствует Скибневска, мой дед был профессиональным офицером (ротмистром) польской кавалерии во Львове (14 полк Язловецких уланов), в Белостоке (10 полк уланов), в Хелмне (8 полк конных стрелков).

Вторую мировую войну он как профессионал встретил в бою. «В 1939 году в Поморье был командиром эскадрона, вел кровопролитные бои с немцами, был взят в плен и вывезен в офицерский лагерь в Германию» (из «Заявления свидетеля» Дж. Скибневски). Начался второй период трагедии С. Мальсагова, опять волею судьбы очутившегося в самом пекле истории.

Будучи в немецком плену, под псевдонимом «Казбек» он выполнял различные задания Польского Сопротивления, помогал многим военнопленным, в том числе и своим соотечественникам, о чем много лет спустя, отсидев после немецких концлагерей в советских тюрьмах свои мученические сроки. Рассказы их были немногословными и тихими, потому что имя Созерко Мальсагова в Советском Союзе было предано анафеме.

Об этом периоде жизни деда мне опять же рассказала Дж. Скибневска, сама очень деятельная участница Польского Сопротивления. Она была связной между С. Мальсаговым, добывавшим нужные сведения для Сопротивления, и польскими патриотами^[5]

В своем документе свидетеля Скибневска написала, что дед совершил побег из лагеря, и Польским Сопротивлением был переброшен во Францию, где воевал в диверсионных группах. После побега из фашистского концлагеря за С. Мальсаговым одновременно охотились гестапо и НКВД. Работа этих двух ведомств иногда имела одну цель.

Где окончил Вторую мировую войну мой дед — точно неизвестно, но с 1946 года и до конца жизни (умер в 1976 году) он жил в Англии.

Этот второй период его бесконечно трагической жизни окончательно отрезал ему все пути на Родину. Пребывание деда в концлагере было соответствующим образом прокомментировано в родственном с гестапо учреждении и преподнесено общественности, землякам и родным как участие в «гитлеровском легионе»^[6].

Элементарная логика подсказывает, что каратель не стал бы обнаруживать себя из надежного укрытия (С. Мальсагов впервые после Соловков написал семье в начале 60-х годов), и союзническая Англия не платила бы пожизненную пенсию человеку, сотрудничавшему с гитлеровцами.

До конца своих дней дед получал пенсию как польский ветеран и жил в доме Кавказского ветерана, созданного благодарными поляками для военных офицеров — кавказцев, проливших кровь за свободу Польши. Но говорить и писать об этом до последнего времени было бесполезно и небезопасно.

О том чувстве признательности, которое испытывал мой дед к стране, приютившей его, говорит интереснейший отрывок из его письма к дочери Мадине: «Поверь, священный идеал остатка моей жизни — это умереть на отцовской земле и быть похороненным на родовом кладбище в милом и бессмертном Альтиеве, где лежат кости моих отцов, братьев, сестер и матери. И если я не решаюсь на это, то только потому, чтобы перед самим собой, перед семьей и данной страной, где нашел приют, до конца быть честным. Как я могу поехать к семье, у которой в силу злой судьбы не был ни воспитателем, ни кормильцем. Мое биологическое право отца не дает мне морального права находиться на иждивении у дочерей. Кроме того, я не могу нарушить присягу, которую дал, став гражданином (подданным) Англии, — быть верным обязанностям ее граждан и законам правительства. Ко всему, эта страна обеспечила мою старость, назначив мне пенсию за мой трудовой стаж.

Да, я согласен, что все это в глазах молодого поколения не играет роли, но не забывай, дорогая дочь, — я ингуш 19 столетия со всеми предрассудками ингушей того века.»

Да, предрассудки у людей 19 века были, несомненно, благородными. В этом страстном признании новейшему поколению явлен кодекс чести, порядочности и благородства, утраченный в вихрях революций, войн, коллективизации.

Нельзя преступить присягу, нельзя нарушать слово, нельзя быть нечестным...

Эти морально-нравственные правила были священным законом человеческой совести, переступать который, объясняя так называемые компромиссы жизни сложными ее обстоятельствами, значило умереть заживо. Жить всегда трудно, а жить честно и нравственно, не вихляя перед Богом и собственной совестью, — тяжело втрое. Но и без чести жить невозможно, без порядочности жить нельзя, потому что обман делает человека рабом, а рабы не могут быть счастливыми.

Вечный скиталец, мой дед прожил свою земную жизнь свободным человеком.

...Никаких связей со своим мужем и отцом члены семьи не имели с 1924 года. Несколько писем с Соловков, к сожалению, не сохранились. В том числе и письмо, на полях которого стояло несколько крестов, что означало, как расшифровали бедной моей бабушке опытные люди, смерть. (Но умереть мой дед не захотел, а потому совершил свой знаменитый побег).

В начале 60-х годов, в первую «оттепель», после восстановления Чечено-Ингушской республики, моя мама и тетя получили через Комитет Государственной безопасности первое письмо от своего отца, которого они знали только по рассказам матери. Несчастный их отец разыскивал кого-нибудь из его родных, оставшихся в живых. Три женщины были живы, они выжили, несмотря на всю алогичность этого. Ведь не должны были они остаться в живых в фантазмагорическом кошмаре 30-х — 40-х годов. Эти три ЧСИРки^[7] должны были стать лагерной пылью, а стали людьми. И не потому достойны они уважения, что образовались, заняли какие-то свои (весьма скромные) места в обществе, а потому, что с честью боролись за свое человеческое достоинство, за жизнь, не играя в опасные игры с совестью. «Все когда-нибудь должны умереть, никогда не делай такого, чтобы люди плюнули тебе вслед», — так сказала хрупкая Леби Шахбулатовна своей старшей дочери, когда той поступило предложение стать осведомителем НКВД.

Моя бабушка осталась «соломенной вдовой» в 26 лет. Ее супружество продолжалось семь лет (она вышла замуж девятнадцати лет в 1917 году). Практически до 1957 года вся ее жизнь была сплошным скитанием. В конце 20-х годов она с двумя маленькими девочками уехала из села своего мужа, жила в Орджоникидзе, Баку, Грозном, потом в разных городах Киргизии. И только в 1957 году бабушка поселяется в Грозном, где и прожила до конца жизни (1980 год). Вопреки логике, она, неграмотная, образовала своих дочек — моя мама стала инженером, тетя — врачом. Бедствуя, трудясь, скитаясь, они, тем не менее, выжили (вопреки прогнозам одного капитана НКВД, который в припадке бешенства на очередной «обработке» крикнул моей маме: «Вы все равно все подохнете: ваша мать, сестра, вы сами. Потому что вы — враги Советской власти»).

В конце 50-х годов уже с семьями они вернулись из ссылки на Кавказ. Несмотря на частую смену места жительства, бабушка, мама и тетя постоянно находились под давлением органов, которые доставали их повсюду. Мою маму забирали в «учреждение» иногда даже прямо с улицы. С «собеседований» она выходила с синими ногтями. А однажды, доведенная до отчаяния (дело было в Киргизии), мама сказала бабушке: «Может быть я подпишу, мама? Они ведь не оставят нас в покое!» В ответ на что услышала от больной, лежащей в постели бабушки такие слова: «Лучше умри там, если ты подпишешь хоть какую-нибудь подлую бумагу. Я прокляну тебя!..» И всегда бабушка поджидала свою дочь у ворот очередного НКВД с узелком заготовливаемых каждый раз, когда вызывали ее старшую, харчей — а что, если дочь не выпустят из этих страшных стен, становящихся для многих и многих могилой.

Так было прожито 30 лет...

...И вот письмо от отца в начале шестидесятых... Моя тетя — Мадина — к этому времени руководила поликлиникой № 6 в Грозном. И в переписку с отцом вступила она. Тетя написала своему отцу пять писем и за это была освобождена от должности главного врача. Четырнадцать писем деда к семье хранятся у нее и до сих пор читаются со слезами на глазах и болью в сердце. Письма эти — свидетельства страшной трагедии, разметавшей семью по свету, но не уничтожившей ее.

...Я никогда не видела, чтобы наша бабушка плакала. Впервые ее плач и рыдания я услышала, когда она получила известие о смерти своего бедного Соси (так звали деда близкие). Она скорбела о нем, как будто прожила с ним нормальную супружескую жизнь, принимала соблезнования, совершила весь положенный мусульманский поминальный обряд и до конца своей жизни пекла по пятницам и раздавала поминальные лепешки в память по умершему мужу...

До смерти деда бабушка, молясь, всегда просила у Бога здоровья своему мужу, облегчения его участи на чужбине. Я думаю, что как женщина, она где-то в глубине души, может быть, испытывала некое удовлетворение от того, что ее Соси оставался до конца ей верен и не женился, но как истово верующая мусульманка, она, безусловно, сожалела о его одиночестве, говоря: «Если бы он женился, ему не было бы так трудно, у него была бы жена, еще дети. Он оказался

несчастливее меня, потому что на старости лет никто не подал ему стакан воды с любовью». Его одиночество приносило ей страдания...

На могиле бабушки в селе Альтиево (родовом кладбище Мальсаговых, где мечтал быть похороненным дед) стоят два скромных надгробия — Созерко и Леби Мальсаговых, встретившихся после всех земных испытаний через 56 лет. Их разъединила стихия и соединил Бог...

Марьям Яндиева

От автора

Я и четверо моих друзей покинули Соловецкие острова (в данном повествовании названные Соловками именем, под которым они в общем и известны) 18 мая 1925 года и пересекли границу между Россией и Финляндией 15 июня. Но только восемью днями позже, когда достигли Куусамо, мы точно выяснили, что находимся в Финляндии. Наше путешествие, таким образом, длилось 36 дней.

Как я и предполагал, обнаружилось, что вне Советской России все обстоятельства жизни сосланных на Соловецкие острова (или правильнее было бы сказать — медленной смерти) режим, условия труда, пища и прочие внутренние и внешние характеристики лагерных будней — совершенно неизвестны.

Тайна, которой окутаны Соловки, достаточно понятна. Советские газеты, утаивающие жестокую правду от русских читателей, обходят Соловки полным молчанием. Корреспондентам иностранных газет не разрешено ездить туда. Никогда не было до нас ни одного случая, когда бы узнику сопутствовала удача в побеге через границу, и при помощи европейского общественного мнения была узнана правда о Соловках.

Провидение чудом избавило меня от этого ада. И я считаю своим священным долгом поведать миру о том, что я видел, слышал и через что прошел.

Эти заметки, конечно же, не претендуют на художественное совершенство и стилистические прелести, а также на исчерпывающую полноту. Я воспринимаю их как свидетельство честного очевидца, который говорит правду и только лишь правду. И если мое свидетельство будет достойным обсуждения и признано как часть

гигантского обвинительного приговора, который русский народ, все человечество, история и Бог, без сомнения, предъявят Советской власти, я буду считать свой долг

В подтверждение этого моего требования (если хватит сил и беспристрастности в моем описании) я могу сказать, что когда я показал эти записки моим друзьям, бежавшим вместе со мной, они сошлись во мнении, что описание режима на Соловецких островах во многих случаях было слишком сдержанным.

Часть I (Вводная)

Из Батума на Соловецкие острова

Глава 1

Белая гвардия на Кавказе

Поражение Деникина — Партизанская война — Неожиданный удар — Неуловимый Челокаев — Договор в действии

Прежде чем перейти к моей главной задаче — описанию условий жизни в советской тюрьме на Соловецких островах, я хотел бы коротко остановиться на том периоде моей жизни, который предшествовал высылке. Я думаю, что это имеет более чем личный интерес. Насколько мне известно, карательные действия Советской власти на Северном Кавказе после подавления антибольшевистского восстания никогда не описывались ни в книгах, ни в воспоминаниях.

Во время последнего отступления сил генерала Деникина я находился в рядах Кавказской Армии на Царицынском фронте. Катастрофа Добровольческой Армии вынудила всех нас искать убежища в горах. Постоянно сталкиваясь с нападающим врагом, наша кавалерийская бригада достигла реки Терек, где и была расформирована. Наиболее стойкие и надежные ее части пересекли границу Грузии, в то время еще независимого государства. В Грузии те члены бригады, которые были еще пригодны к службе, объединились под руководством Клыч Султан-Гирея в кавалерийский полк. В его обязанности входило совершать нападения на советские тылы и вносить в них сумятицу, разрушать дороги и организовывать восстания против большевиков. Рейд на Кубань, планировавшийся на лето 1920 года штабом генерала Врангеля, который находился со своей армией в Крыму, воодушевил Султан-Гирея послать на Кубань и нас — в надежде склонить казаков к восстанию. На Кубани мы приняли

участие в отступлении вторгшихся в Крым войск, и рейд значительно превзошел первоначальные масштабы. Дерзкий план осуществления восстания не удался. Мы опять были разбросаны.

В исключительно трудных условиях, окруженные войсками Красной Армии, сформировали новый отряд под командованием полковника Икс (я не могу назвать имени полковника, он до сих пор продолжает партизанскую войну против Советской власти на Кавказе). Наш отряд, несмотря на свою малочисленность, вел военные действия не без успеха. И мы уже начали обдумывать операции большего масштаба, когда неожиданно лишились поддержки, от которой полностью зависели и на которую рассчитывали. Произошло знаменитое восстание в Грузии. В действительности же Грузия была оккупирована без всякого сопротивления регулярными войсками Красной Армии. Наш отряд, сражаясь, уходил через неприступные горы в Батум. Здесь часть его прекратила свое существование и превратилась в большие или меньшие воинские повстанческие формирования. Другая часть ушла в Анатолию.

Я отправился в Аджаристан. Здесь была установлена связь с Трапезундом, где жил Игрек (его имя я также не могу назвать по причине, объясненной выше). Вплоть до осени 1922 года мы и Игрек организовывали частые нападения на советскую границу.

Тогда, как и сейчас, неофициальное руководство всем повстанческим движением на Кавказе было сосредоточено в руках хорошо известного полковника Челокаева. Благодаря всесторонней поддержке населения, которое симпатизирует «белым», и личному мужеству, смелости и умению Челокаева, большевики считают его неуловимым.

Мне точно известно, что Грузинская ЧК и Закавказская ЧК часто пытались подкупить его. Они неоднократно предлагали ему очень много золота только для того, чтобы он покинул Кавказ. Большевики сулили ему виллу в любой стране Европы, выбранной по его усмотрению. Неуловимый полковник, однако, отвергал эти предложения с отвращением и до сих пор осуществляет свои неожиданные нападения то на один, то на другой оплот Советской власти на Кавказе.

Между Челокаевым и кавказскими Советами существует необычное соглашение. Семья полковника уже в течение нескольких

лет томится в Метехе^[8] в Тифлисе, в тюрьме, известной своими жестокостями и зверствами. Большевики, конечно же, давно расстреляли бы родных Челокаева, если бы он не захватил в плен как заложников и не спрятал в надежном месте нескольких известных представителей Советской власти. Когда полковник услышал, что его семья арестована, он послал председателю грузинской ЧК письмо следующего содержания: «Я пришлю в мешке по 40 голов коммунистов за каждого члена моей семьи, убитого вами. Полковник Челокаев».

Так семья Челокаева и заложники-коммунисты до сих пор живы.

Глава 2

Знаменитая «амнистия»

Моя глупая доверчивость — Мальчик-чекист — Выведены, чтобы быть расстрелянными — Взаимные репрессии — Храбрый горец — Опознан идиотом

В 1922 году в честь годовщины Октября Совет народных комиссаров РСФСР^[9] (Россия тогда существовала под таким названием) объявил полную амнистию для всех противников Советской власти. Эта амнистия, которая была подписана цветом Коммунистической партии, официально обещала полное забвение любого преступления, совершенного белогвардейцами всех рангов и категорий.

Я до сих пор не могу понять — как я, лучше чем кто-либо другой знавший цену большевистским обещаниям, ведший борьбу с Советской властью не на жизнь, а на смерть, мог поверить в добрую волю людей, которые всегда лгали. Я заплатил за мою непростительную глупость своими страданиями в Соловецкой тюрьме. Пусть моя судьба будет предостережением для других доверчивых людей.

В апреле 1923 года я сам сдался в руки офицеров ЧК в Батуме. Меня допрашивал следователь, примечательный своей молодостью. Это был дерзкий юноша семнадцати лет. Следственная служба в Советской России сформирована «блестяще». Когда молодой чекист суммировал мои преступления (надо сказать, довольно подробно), он заключил свой допрос глумливой усмешкой: «Ха, мы не будем мягкотелы в отношении таких парней, как ты». И они действительно не были мягкотелы. Когда я сослался на официальные слова амнистии, следователь прямо взревел от смеха: «Отведите его в камеру и пусть там ему покажут амнистию». И действительно — они показали.

Я не буду подробно описывать свои моральные и физические муки, избиения, оскорбления, попытки извлечь из меня информацию провокационными методами — все, что я вынес, будучи заключенным в Батумской ЧК. Достаточно сказать, что я был вызван на допрос в два часа ночи. Допрашивающие в очередной раз прошлись по последним событиям моей биографии с удивительной точностью и предложили, чтобы я сознался во всем и назвал главных соучастников в количестве десяти человек (число указано очень точно). Уговоры сменялись бранью и оскорблениями, оскорбления — выстрелами из револьвера над моей головой. Все делалось с расчетом запугать меня.

Я отрицал свою виновность и отказывался назвать кого-либо из соучастников. Меня и еще троих заключенных вывели на расстрел во двор тюрьмы. Один из узников был убит в двух шагах от меня. Второй тоже рухнул замертво. Третий упал, истекая кровью. Затем крикнули мне: «Теперь твоя очередь!»

В оцепенении я стоял рядом с телами моих спутников. Почти касаясь моей головы дулами пистолетов, чекисты кричали мне: «Признавайся!»

Я молчал. По какой-то причине они не стали убивать меня. Возможно, моя жизнь была им зачем-то необходима. Я провел несколько дней в тюрьме Батумской ЧК. Затем меня перевели в Закавказскую ЧК в Тифлисе. Ее главное управление находилось в квартале Сололаки, в центре города. Что касается жестокости, то никакой разницы между ее порядками и увиденным в Батуме не было. Председателем и всемогущим хозяином Закавказской ЧК в это время был хорошо известный Могилевский^[10], который не так давно погиб в авиакатастрофе.

Кровь лилась на Кавказе потоками. Коммунисты осуществляли тройную месть по отношению к своим заключенным: за убийство Воровского в Швейцарии, за восстание в Грузии, за ультиматум лорда Карзона.

В бесчисленных тюрьмах Кавказа ежедневно уничтожались тысячи людей. Кавказ не был еще окончательно покорен коммунистами, и в то время, о котором я пишу, весь регион был в огне гражданской войны. Повстанческие группы врывались в города и вешали всех большевиков подряд. Последние отвечали усилением своего и без того безжалостного террора.

Однажды повстанцы спустились в станицу Курск рядом с Владикавказом и помимо прочего угнали стадо, принадлежавшее Советам. Следом была пущена погоня, возглавляемая прославленным палачом латышом Штыбе, председателем ГПУ^[11] Горской республики. Группа повстанцев скрылась в горах, угнав с собой весь скот, и ее не могли обнаружить. Чекистам удалось окружить только одного из главарей повстанцев.

Горец, позади которого была отвесная скала, располагал полным карманом патронов и противостоял атаке нескольких эскадронов в течении нескольких часов. Один из его метких выстрелов сразил самого Штыбе. Хотя повстанец был несколько раз ранен, он уничтожил более восьми коммунистов. Но в конце концов он упал, смертельно раненный. В его ружье, которое холодные пальцы держали близко у лица, не было найдено ни одного патрона. Он сражался до конца. Его тело привязали к хвосту лошади и поволокли во Владикавказ. Палача же Штыбе похоронили с пышностью и воинскими почестями на Пушкинской площади в Тифлисе. Смерть этого мошенника власти использовали как предлог для проведения репрессий над заключенными.

Пастухом, которому было поручено пасти скот, угнанный повстанцами в горы, был глухонемой от рождения мальчик, явно слабоумный. Этому идиоту и было поручено устанавливать среди всех заключенных в тюрьмы Кавказа личности тех, кто имел отношение к убийству «незабвенного товарища Штыбе».

Председателя Гор. ЧК (ЧК Горской республики)^[12] не тревожил вопрос, как мы, находящиеся в тюрьме ЧК в момент гибели Штыбе и задолго до нее, могли иметь отношение к его убийству. Нас выстроили

в два ряда, и если пастух останавливался напротив человека и издавал нечленораздельный звук или просто идиотически улыбался, этого было достаточно, чтобы человека, который привлек внимание полоумного мальчика, сделать причастным к убийству «незабвенного товарища Штыбе». Немедленно отдавался приказ: «Два шага вперед!» И пуля посылалась в голову.

Несколько дюжин людей было уничтожено на моих глазах. Так, шествуя вдоль второго ряда, пастух остановился передо мной. Смерть казалась неминуемой. Но прокурор Горской республики Тогузов, который следовал позади пастуха и который допрашивал меня этой ночью и точно знал, что я абсолютно не имел никакого отношения к смерти Штыбе, почувствовал, видимо, мгновенное угрызение совести и отвел пастуха как раз в тот момент, когда он искажил передо мной свое лицо в идиотской гримасе.

Этот прокурор является характерной фигурой. Казбек Тогузов — бывший офицер, в 1917 г. продолжал на Кавказе отчаянную и безнадежную борьбу в поддержку Временного правительства, требуя роспуска всех солдатских и рабочих Советов с помощью Вооруженных сил. Но при обстоятельствах весьма загадочных он вступил в компартию и до сих пор вешает людей, теперь уже врагов большевизма.

Глава 3

Ужасы тифлисской тюрьмы

*Решительность Мухранского — Метех —
В руках садистов — Проклятое место — Ночи
расстрелов — Сам угодил в собственные сети*

Среди тысяч людей, заключенных в тюрьмы Закавказской ЧК одновременно со мной, было пятнадцать офицеров. В их числе генерал Цулукидзе, князь Камшиев, князь Мухранский, брат которого был женат на дочери Великого князя Константина Константиновича. Все они обвинялись в организации мифического контрреволюционного заговора и в связях с Грузинским восстанием 1923 года. Эти люди

после продолжительных мучительных допросов были приговорены к расстрелу.

Князь Мухранский решил дорого продать свою жизнь. Ему удалось раздобыть большой гвоздь (он нашел его в камере). Когда в ночь исполнения приговора открылась дверь и группа чекистов, возглавляемая Шульманом, комендантом Закавказской ЧК, известного как «смертельный комендант», вошла, чтобы увести осужденных офицеров, Мухранский бросил гвоздь со всей возможной силой в лицо Шульману, целясь ему в глаза. Тяжелый гвоздь сломал палачу нос. Шульман застонал от боли, и сразу же раздались ужасные крики и выстрелы. Камера наполнилась дымом. Все пятнадцать офицеров, находившиеся в камере, были убиты конвоем на месте. Заключение заключенным из других камер был отдан приказ смыть потоки крови.

Палач Злиев, чрезвычайный уполномоченный ГПУ Горской республики в Осетии, прибежал к следующему. Он насильно вставлял дуло револьвера в рот заключенного, которого допрашивал, поворачивал его и таким образом ранил десны и выбивал зубы. Мой сокамерник по тюрьме ГорГПУ подвергался такой пытке. Это был пожилой осетин, которого обвиняли в следующем преступлении (цитата из обвинительного заключения): «Обвиняется в том, что однажды прошел мимо дверей дома Челокаева».

* * *

По истечении нескольких недель я был перемещен в главную кавказскую тюрьму Метех в Тифлисе. Как и ныне, Метех использовался в 1923 году исключительно как место содержания под стражей политических заключенных; обычные уголовники размещались в государственной тюрьме. В замке находилось 2600 белогвардейцев, включая большое число грузинских меньшевиков.

Бесчеловечные репрессии систематически продолжали осуществляться по отношению к беззащитным людям — я видел много стариков, женщин и детей. Один раз в неделю — в четверг — специальная комиссия, состоявшая поочередно из членов Закавказской и Грузинской ЧК, заседала в канцелярии начальника тюрьмы и составляла список жертв, не уделяя особого внимания степени вины каждого. Доказательство вины преобладало над голосом человечности.

Весь персонал замка Закавказской и Грузинской ЧК был укомплектован садистами.

Каждый четверг ночью расстреливалось от шестидесяти до ста человек. Эта ночь была сущим адом для всего Метеха. Мы не знали, кому суждено быть расстрелянным, и поэтому каждый ожидал смерти. Ни один человек не мог сомкнуть глаз до самого утра. Непрерывное кровопролитие оказалось пыткой не только для заключенных, но и для людей, живущих на свободе, вне тюрьмы. Все улицы вокруг Метеха долгое время были необитаемы. Население этого квартала бросало свои дома, будучи больше не в состоянии слышать выстрелы палачей и пронзительные крики и стоны их жертв.

Чекисты Метеха всегда ходили пьяными. Это были профессиональные мясники. Их сходство с последними усиливалось привычкой закатывать рукава по локоть и таким образом расхаживать по коридорам и камерам. Время от времени они валялись на пол, опьяненные вином и человеческой кровью.

В ночь расстрела из каждой камеры забиралось от пяти до десяти человек. Чекисты как можно дольше затягивали процедуру зачитывания списка обреченных на смерть, и средний минимум их пребывания составлял около четверти часа в каждой камере. Делались длинные паузы перед каждым именем, во время которых все арестанты трепетали от ужаса. Такую пытку не могли выдержать даже люди с очень крепкими нервами. В такие ночи половина заключенных замка плакала до самого утра. На следующий день никто не мог съесть даже маленького кусочка пищи, тюремный обед оставался нетронутым. Это случалось каждую неделю.

Заключенные из Горской республики, которые прибыли на Соловки в 1925 году, рассказывали нам, что это продолжалось и впоследствии. Многие люди не могли вынести длительного кошмара и сходили с ума. Другие совершали самоубийство любыми доступными способами.

Когда я находился в замке, хорошо известный тифлисский чекист Зозуля (кубанский казак) был помещен среди заключенных для провокаторской деятельности. Этот палач в сравнительно короткий промежуток времени собственноручно расстрелял шестьсот человек (факт, который не отрицал сам Зозуля). Под конец он был разоблачен и заключенные его убили.

Я провел четыре с половиной месяца в Метехе и каждый четверг приготавливал себя к смерти.

После Метеха началась нескончаемая серия путешествий по новым тюрьмам. Из метехской тюрьмы я был перемещен в государственную тюрьму в Тифлисе. Отсюда в «Тимахика» — бакинскую тюрьму, где я провел две недели, затем тюрьма ВЧК в Петровске (три недели). Потом Грозный, из Грозного в столыпинском вагоне, специально сконструированном для заключенных, во Владикавказ. И везде было одно и то же: абсолютное подавление человеческой личности, те же пытки на ночных допросах, голод и избиения, те же незаконные и беспорядочные расстрелы.

Глава 4

Отправление на Соловки

*Окончательно «амнистированный» —
Шпана — Удачный побег — Классификация
заключенных — Протеже мадам Каменевой*

В конце концов 30 ноября 1923 года (в общей сложности, через семь месяцев после того, как я был «амнистирован» Батумской ЧК) следователь Владикавказской ЧК окончательно «амнистировал» меня в следующих выражениях: «По приказу административной комиссии Народного комиссариата внутренних дел по высылке граждан Мальсагов признан виновным в преступлениях против основ государства, предусмотренных статьями 64 и 66 Уголовного кодекса РСФСР. Статья 64 — «Организация террористических актов и сотрудничество с иностранцами». Статья 66 — «Шпионаж в пользу международной буржуазии». Мальсагов высылается в концентрационный лагерь на Соловецкие острова сроком на три года».

Я и некоторые другие, которые тоже были «амнистированы», не торопясь отправились на Север. Первой остановкой был Ростов. Здесь я впервые столкнулся с так называемой шпаной — обычными уголовниками, которые играли довольно необычную роль во всех российских тюрьмах, лагерях и местах ссылки.

Грабители большого и малого масштаба, взломщики, убийцы, фальшивомонетчики и бродяги кочевали целыми дивизиями из одной тюрьмы в другую, отбывая свои сроки, совершая оттуда побеги при помощи подкупа охраны, чтобы вскоре вновь оказаться в очередной тюрьме. Почти все они были совершенно раздеты, всегда голодны и завшивлены. Охрана била их по головам прикладами ружей, уголовники убивали друг друга кирпичами, вырванными из тюремных стен. Совсем одичавшие, они, куда бы их не отправили, умудрялись проиграть в карты свой скудный паек (порцию пищи) или последнюю пару собственных брюк. Подобные уроны они возмещали, вновь грабя заключенных, относящихся к политической категории. Украденные вещи шпана пропивала или продавала через тюремных и лагерных надзирателей.

Войдя в камеру, предназначенную для нас в ростовской тюрьме, я онемел от ужаса: около ста уголовников из шпаны встретило нас оглушительными воплями и угрожающими выкриками. В углу сидели пять человек из образованных, включая и полковника Генерального штаба. Шпана за ночь раздела их догола.

К счастью, среди нас были люди, которые прошли через все мыслимые переделки. Один из них прочертил мелом линию на полу, поделив комнату на две сферы влияния — политическую и уголовную, и очень громко крикнул шпане: «Я убью первого, кто переступит эту линию». Он был огромного роста, шпана испугалась его. Ночью мы выставляли часовых на границе сферы влияния. Если бы события не приняли такой оборот, то наши деньги и прочие вещи были бы украдены. От денег и вещей фактически зависела наша судьба: мы разного рода взятками подкупали охрану, чтобы иметь хоть какие-то блага.

Из Ростова нас отправили в Москву, на Таганку. В таганской тюрьме упомянутая система деления была преобладающей. Здесь существуют отдельные камеры для уголовников различных категорий. Мы познакомились с любопытной градацией преступников, введенной советскими властями. Все преступники делятся не на два класса — контрреволюционеров и шпану, как на Кавказе и в южной России, а на три.

Первая группа, именуемая «КР», включала людей, подозреваемых в действиях в пользу монархии, иначе говоря, буржуазии, то есть в

антисоциалистической деятельности. В этой разнородной группе можно встретить бывшего министра и швейцара, молодого унтер-офицера и генерала, крупного фабриканта и приказчика из маленькой лавки, бывшую княжну и ее повариху. Советские власти включают в эту группу и все духовенство целиком, независимо от вероисповеданий, все образованные и полубразованные классы, всех купцов и офицеров.

К следующей группе относятся так называемые «политические и партийные деятели», остатки дореволюционных социалистических партий — социал-революционеры, социал-демократы, анархисты и т. д., которые так и не слились с большевиками.

И третья группа включала в себя уголовников в чистом виде, так называемую шпану.

Советские власти поддерживают такое разделение и на Соловках, и во всех других местах ссылки, и на вольных поселениях.

На Таганке нас поместили в камеру, которая до отказа была наполнена представителями духовенства. Здесь находились и владыка Петр (Соколов) — архиепископ Саратовский, и монахи Казанского монастыря и т. д. Почти все они обвинялись в сокрытии ценностей, в то время как большевики разграбляли церкви для удовлетворения материальных потребностей Коминтерна^[13].

Эти епископы, священники и монахи так же, как и мы, были высланы на Соловки.

В Петрограде, куда наш этап прибыл в начале января 1924 года, нас поместили в одну камеру с группой из двадцати пяти человек, которую все называли «Казино». Это было во второй пересыльной тюрьме, полностью отведенной для заключенных, направляемых в другие места.

Незадолго до этого в Москве был закрыт фешенебельный игорный дом, предназначенный для высокопоставленных коммунистов и названный «Казино». Его ликвидировали под тем предлогом, что там делались слишком высокие ставки, устраивались пьяные оргии, процветали разврат и дебош. Неофициальной патронессой этого «благородного» заведения была мадам Каменева, жена председателя Исполнительного комитета Московской губернии.

Московское ГПУ, закрывая казино, не отважилось арестовать супругу коммунистического генерал-губернатора Москвы, но весь

штат игорного дома, возглавляемый крупье Петровым, был сослан на Соловки на три года.

Эти парни были нашими спутниками и в Кеми. Впоследствии группа «Казино» по настоянию мадам Каменевой была переведена на вольное поселение в Печорский район. Перед нашим побегом из лагеря я слышал, что Петров и компания вернулись в Москву.

Сейчас этапы с заключенными направляются на Север один раз в неделю — по средам. В одну из этих сред, 14 января 1924 года, я и большое число прочих «КР», политических и иных деятелей, а также шпаны были вывезены на Соловки в арестантских вагонах.

Часть II

Глава 1

Предшественники Соловков

*Условия жизни в прежних лагерях —
«Белый дом» — 10 000 расстрелянных —
Массовые затопления — Следственная
комиссия — Оставшиеся перемещены на
Соловецкие острова*

До 1922 года Холмогоры^[14] и Пертоминск выполняли функцию, которая сейчас возложена на Соловки. Попав на Соловки в начале 1924 года, я встретил несколько человек, осужденных по статье «контрреволюция» и оставшихся в живых. Они находились в заключении в этих местах. На Соловки их переместили в 1922 году. Я бы хотел коротко остановиться на том, что рассказывали эти чудом уцелевшие люди.

*Северо-запад России
Соловецкие острова*

Концлагеря в Холмогорах и Пертоминске были созданы советским правительством в конце 1919 года. Люди высылались туда из всех уголков России и должны были жить в наскоро выстроенных бараках. Эти помещения никогда не отапливались, даже в разгар зимы (когда температура в этих северных широтах опускается до минус 50–60 градусов по Цельсию, то есть от 90 до по градусов по Фаренгейту).

Заклученным выдавался следующий паек: одна картофелина на завтрак, картофельные очистки, сваренные в воде, на обед и одна картофелина на ужин. Ни кусочка хлеба, ни унции сахара, не говоря уже о мясе или масле. И эти люди, доведенные муками голода до отчаяния, поедали кору на деревьях, будучи не в состоянии противостоят истощению. Они, под страхом пытки или расстрела, вынуждены были соглашаться на самую тяжелую работу: корчевать пни, работать в каменоломнях, сплавливать лес.

Им было категорически запрещено переписываться с родными, принимать от них посылки с едой или одеждой. Все письма

уничтожались, а пища пожиралась лагерной охраной. Ею же использовались и носильные вещи, присылаемые заключенным.

После поражения генералов Деникина и Врангеля (что соответствует концу 1919-го и 1920-му году) взятые в плен белые офицеры и солдаты, а также гражданские лица с отвоеванных у белых территорий — мужчины, женщины и дети — были сосланы в Холмогоры этап за этапом. А после подавления Кронштадтского восстания в апреле 1921 года все матросы, взятые под стражу большевиками в количестве около двух тысяч человек, тоже были присланы туда. Остатки колчаковской армии, сибирские и украинские атаманы, крестьяне из Тамбовской губернии, примкнувшие к антоновскому движению, десятки тысяч представителей интеллигенции всех национальностей и вероисповеданий, кубанские и донские казаки — все стекались широким потоком в Холмогоры и Пертоминск.

Высшее начальство в этих лагерях назначалось Москвой и исполняло предписания, полученные оттуда, средний и низший персонал набирался из арестованных чекистов, которые были сосланы по причине слишком очевидного грабежа, взяточничества, пьянства и других нарушений. Эти ребята, не располагая ничем другим для мщения за потерю выгодных должностей в Чрезвычайных Комиссиях центральной России, обращались с лагерными заключенными с неопишуемой жестокостью.

Помощник коменданта в Холмогорах — поляк Квицинский — был особенно свиреп. На совести этого палача-садиста ужасы так называемого «Белого дома», располагавшегося в окрестностях Холмогор. «Белым домом» именовалась усадьба, покинутая ее владельцами. Там находилось выбеленное в белый цвет здание. Здесь в течение двух лет — с 1920 по 1922 годы — по распоряжению Квицинского ежедневно производились расстрелы. Устрашающая слава «Белого дома» удваивалась еще и потому, что тела казненных не убирались. И к концу 1922 года все помещения «Белого дома» были наполнены трупами до самого потолка.

Две тысячи матросов из Кронштадта были расстреляны в три дня. Запах разложившихся тел отравлял воздух на целые километры вокруг. Смрад, который не уменьшался ни днем, ни ночью, заставлял заключенных в лагере задыхаться и даже терять сознание. Три

четверти жителей города Холмогоры оказались не в состоянии выносить все это и покинули свои дома.

Без всякого сомнения, Советское правительство знало о тех ужасах, которые творились в Холмогорах и Пертоминске: не могло не знать. Но будучи заинтересованным в безжалостном уничтожении своих врагов, подлинных и мнимых, руководители Коммунистической партии ограничились лишь умыванием рук.

Казни осуществлялись не только в «Белом доме», но и в других местах. Чекисты практиковали следующий метод: они входили к заключенным и, указывая на избранные жертвы, произносили: «Один, два, три». «Один» значило, что заключенный будет расстрелян в тот же день, «два» — его расстреляют завтра, «три» — казнят послезавтра. Это обычно делалось, когда прибывала новая большая партия и появлялась острая необходимость в камерах для вновь прибывших.

Согласно свидетельству очевидцев, в Холмогорах и в Пертоминске было расстреляно около 10 000 человек. Как это ни ужасно, но в этой цифре нет ничего поразительного. Ибо в течение трех лет подряд, вплоть до своего расформирования, эти лагеря составляли главную тюрьму всей Советской России. В огромные этапы, из всех уголков европейской и азиатской России, попадали те, кого по каким-либо причинам было нежелательно убивать на месте. Например, все, «амнистированные» местными властями.

Палачи в Холмогорах и Пертоминске прибегали и к другому способу уничтожения заключенных — они их топили. Из всего множества случаев, мне известных, я остановлюсь лишь на следующих.

В 1921 году четыре тысячи бывших офицеров и солдат армии Врангеля погрузили на борт баржи, и это судно было потоплено чекистами в устье Двины. Тех, кто еще мог удерживаться на поверхности воды, расстреляли.

В 1922 году несколько барж загрузили заключенными, которых потопили в Двине прямо на глазах у людей. Несчастные пассажиры с других, непотопленных барж, среди которых было много женщин, были высажены на одном из островов близ Холмогор и расстреляны из пулеметов прямо с барж.

Массовые убийства на этом острове продолжались довольно долго. Как и «Белый дом», он был заполнен трупами. Тех, кто избежал

расстрела, чекисты убивали непосильным трудом. Заключенным полагался упомянутый уже паек, а ведь среди них были старики и женщины, которые работали по двенадцать часов. Считалось большой удачей найти в поле гнилой картофель, который прямо сырым с жадностью поедался на месте.

Когда чекисты заметили, что местные жители (саами, зыряне, самоеды) бросали хлеб в толпу проходящих мимо их хижин заключенных, они стали водить несчастных на работу иным маршрутом, через густой лес и болота.

Если новоприбывший заключенный был прилично одет, его тут же расстреливали для того, чтобы поскорее забрать одежду.

Ранним летом 1922 года матрос из Кронштадта, который, к счастью, остался жив, бежал из холмогорского лагеря. Ему удалось добраться до Москвы, где он, используя старые связи, добился приема во ВЦИК^[15] и сказал Калинин: «Делайте со мной что хотите, но обратите внимание на те ужасы, которые творятся в северных лагерях».

А к этому времени чекисты уже уничтожили 90 процентов всех заключенных. «Человеколюбие» коммунистов было доказано с полной очевидностью, и ВЦИК, сменив гнев на милость, снисходительно выслушал мольбы беглого матроса.

В конце июля из Москвы в Холмогоры была направлена комиссия для инспекции лагеря. Ее председателем стал некий Фельдман. Сам Фельдман не сумел скрыть своего ужаса, вызванного увиденным и услышанным в этих местах. Он расстрелял комендантов лагеря, а их помощников и прочий персонал направил в Москву, якобы для расследования. Однако, все чекисты были помилованы и получили ответственные должности в учреждениях ГПУ в южной России.

Фельдману, прекрасно понимавшему, что и «Белый дом», и десятки тысяч наполнявших его трупов являются грузом на совести Москвы, пришлось уничтожить все следы того, что там произошло. Поэтому он распорядился все сжечь. Комиссия Фельдмана была уполномочена ВЦИКом амнистировать заключенных в обоих лагерях, и только рядовые уголовники (шпана) получили свободу. Никто из контрреволюционеров не был амнистирован.

В августе 1922 года оставшихся контрреволюционеров под надежной охраной переправили по Кеми из Пертоминска и Холмогор

на Соловецкие острова.

Глава 2

От монастыря к лагерю

Знаменитый Соловецкий монастырь — Его значимость и экономическая мощь — Большевистское нашествие — Разрушение и грабеж — Учреждение Соловков — Лагеря и их правители

Соловецкий лагерь получил свое наименование от Соловецкого монастыря, основанного в 1429 году святыми Савватием и Германом. А святой Зосима в 1436-м году воздвиг первую церковь на его территории. Остров (17 миль в длину и 11 миль в ширину), на котором стоит монастырь, является одним из островов архипелага, известного под названием «Соловецкие острова». Помимо главного острова, есть еще пять крупных: Анзерск, Большой и Малый Заяцкий, Большой и Малый Муксалма, а также несколько маленьких островов. Они расположены на Белом море, при входе в Онежский залив, вблизи от западного побережья Архангельской губернии.

Соловецкий монастырь — один из самых древних и самых почитаемых в России — был издавна известен особым аскетизмом жизни, которую вели его обитатели, несметными сокровищами своих церквей и многочисленностью монахов в обители, что подтверждалось тем, что количество юношей на год, посылаемых родителями в монастырь, достигало в некоторые периоды двух тысяч.

Монастырь имел среди прочего собственный кожевенный завод, литейную мастерскую, бумажную фабрику, спичечную фабрику, лесопильню, дюжину мастерских различного назначения, печатный двор (все рабочие были монахи), док, торговый флот и даже небольшую военную флотилию для защиты своих берегов. Монастырская артиллерия и пехота состояли исключительно из монахов и также предназначались для охранных целей.

Первые годы революции затронули организационную и экономическую мощь монастыря в очень малой степени, хотя он и

находился на главном пути большевистского грабежа. Даже в то время, когда в этих местах находились англичане (стоит напомнить, что Архангельская и Мурманская губернии были некоторое время оккупированы русской белогвардейской армией под руководством генерала Миллера и британскими войсками), монастырь все еще жил своей традиционной трудовой жизнью.

Советская власть с присущими ей насилием и жестокостью разрушила этот в высшей степени обжитой уголок России на Крайнем севере.

Осенью 1922 года все деревянные здания на территории монастыря были сожжены. Большевики начали с того, что уничтожили монахов, начиная с настоятеля монастыря, а оставшихся направили на принудительные работы в центральную Россию. Сокровища разграбили чекисты, которые первыми вступили на территорию монастыря. Оклады икон были выкрадены, а сами иконы самым нечестивым образом изрублены топорами на дрова. Колокола сбрасывали с колоколен, а их обломки увозили в Москву для переплавки.

Помимо множества предметов, представлявших как духовную, так и материальную ценность, советские варвары уничтожили сокровища, являвшиеся историческими реликвиями. Чекисты разграбили монастырскую библиотеку, которая в течение пяти веков своего существования пополнялась уникальными произведениями. Редкими книгами растапливались печи, в огне погибли старинные документы и хроники. В конце концов варварские методы нового управления, соединенные с преступным расхищением и некомпетентностью народившейся администрации, привели в упадок и мастерские, принадлежащие монастырю.

Древние здания были превращены в груду развалин. Чекисты огородили монастырь колючей проволокой. Полуразрушенный Кремль (основная укрепленная территория монастыря) стал главным управлением — СЛОН^[16].

Все сферы деятельности Соловков находятся под управлением Ведомства по делам — сам Соловецкий лагерь, Кемлагерь на Поповом острове, лагерь на Конд-острове и места ссылок в Печорском и Зырянском районах.

Кемлагерь на Поповом острове (он расположен в четверти мили от побережья и в 26 милях от города Кемь) является основной железнодорожной станцией Соловков. В нем скапливаются до открытия навигации тысячи новых заключенных, заброшенных на Соловки из всех уголков России. Обыкновенные уголовники, которых время от времени амнистируют, начинают отсюда свой путь на юг.

Заключенные непрерывным потоком перевозятся из Кемлагеря в монастырь, а из монастыря на Попов остров для работы, которая, в основном, выполняется на этом острове.

Прежде чем перейти к подробному описанию Соловецкой администрации, я напомним, что когда я прибыл во владения СЛОНа, в лагере находилось более пяти тысяч заключенных из трех категорий, описанных в предыдущей главе: контрреволюционеры, политические и шпана (т. е. просто уголовники).

В самом монастыре контрреволюционеры и уголовники живут в церквях и кельях на территории Кремля, который избежал разрушения. А политические — в скитах отшельников, разбросанных по всему острову в трех, восьми и шести милях от Кремля.

На Поповом острове заключенные жили в бараках, построенных британцами, контрреволюционеры и шпана вместе, а политические — отдельно.

Самым главным лицом среди администрации северных лагерей особого назначения является московский чекист, член ВЦИК Глеб Бокий (один из советских пароходов, между прочим, был назван в его честь). Это высокий худой человек, очевидно, хорошо образованный. Его манеры производят в основном мрачное впечатление; взгляд у него острый, пронзительный. Он всегда одет в военную форму. Это типичный непреклонный коммунист, прекрасно образованный и с элементами жестокости в характере. Он живет в Москве, где исполняет некоторые обязанности в ГПУ, и только время от времени наведывается на Соловки.

Его заместитель по фамилии Ногтев, постоянно находящийся в монастырском Кремле, и является истинным главой СЛОНа. Судьба заключенных полностью в его руках. Он тоже член ВЦИК, а прежде был моряком на крейсере «Аврора». Это полуобразованный, пьющий и несколько глуховатый человек с жестокой физиономией. В лагерях он всем известен под прозвищем Палач. Когда Ногтев обходит бараки и

скиты политических заключенных, они громко кричат ему в лицо: «Палач, убирайся!» (Я позже объясню, почему такая вольность остается безнаказанной).

Помощником Ногтева, его правой рукой является эстонский коммунист по имени Эйхманс. Он страдал парадоманией.

Сам он был помешан на любви ко всему военному, и требовал того же самого от заключенных, моря их при этом постоянным голодом. Их постоянной обязанностью было приветствовать его по-военному. Сразу же по прибытии на Соловки он начал при помощи приказов и ударов обучать заключенных тому, как следует отвечать на его приветствие «С добрым утром» (бодрый военный тон и стопроцентное внимание).

С момента моего прибытия на Соловки и вплоть до марта 1924 года комендантом Кемперраспредпункта^[17] был некий чекист Гладков, который родился в центральной России, в Калуге, и прежде был рабочим. Он отличался повышенным интересом к казенным деньгам и поразительным покровительством шпане. Этот почти не владевший грамотой, пристрастившийся к вину и картам грубиян, ничем не отличался от обычных уголовников. Все это послужило своеобразной идеологической почвой для того, чтобы Гладков установил произвол и диктатуру шпаны над контрреволюционерами и политическими, и мы были вынуждены сносить все это.

Глава 3

Галерея чекистов

Осужденные чекисты в качестве тюремного персонала — «Прокурор» — Судьба иностранного гостя — Ближайший соратник Бэлы Куна — «Палки Смоленского» — Бунт в московской тюрьме — «Мать» уголовников — Ненаказанный спекулянт

В марте 1924 года произошла так называемая смена кабинета. Об этом я постараюсь рассказать ниже. А сейчас продолжу свой рассказ о руководстве из прежнего состава. Бокий, Ногтев, Эйхманс, Гладков — вот те люди, которые обладают властью. Они присланы из Москвы самим Дзержинским. Остальные представители персонала Соловецкого и Кемского лагерей были заключенными чекистами. В монастыре на Поповом острове их насчитывалось несколько десятков. Когда дальнейшее сокрытие от глаз общественности взяточничества, мошенничества, произвола и омерзительного пьянства должностных лиц ГПУ сделалось невозможным, их без промедления начали привлекать к ответу за преступления.

Некоторые из них сосланы в иные места, другие же брошены в лагерь СЛОНа на сроки от двух до десяти лет. Тут они до сих пор используются по «специальному» назначению.

Я помню нескольких из сосланных чекистов, которые занимали и до сих пор занимают важные административные должности на Соловецких островах.

Помощником Ногтева по административной части является некий Васько — грубый и жестокий негодяй. Это существо — «прокурор» Соловецких островов, и все документы, относящиеся к делам сосланных, находятся в его руках. Значимость деятельности этого человека может быть доказана тем обстоятельством, что контрреволюционеры и политические все без исключения осуждены ГПУ (впрочем, всегда в их отсутствие и без всякого судебного

разбирательства), а сроки их осуждения — неизменны. На самом же деле они находятся на положении лиц, чьи дела все еще расследуются. В любой момент может быть выявлена новая улика, имеющая отношение к делу заключенного, что может обернуться не только продлением срока, но и расстрелом.

Работа товарища Васько сводится к тщательному выискиванию новых фактов или ничем не подкрепленных заявлений, способствующих более основательному закреплению арестанта на Соловках. И для достижения этой цели он не брезгует никакими средствами, использует агентов-provokаторов, фабрикует «новые» доказательства и т. д.

Управление технической стороной жизни нынешнего Соловецкого лагеря сосредоточено в руках Роганова — инженера, сосланного на Соловки за преступную профессиональную некомпетентность. Я не знаю, как он руководит на своем посту, но для всех очевидно, что сейчас Роганов, сменивший мундир, ничем не отличается от истинного чекиста: ни своим отношением к заключенным, ни своим вызывающим поведением. Его техническими помощниками и в монастыре, и на Поповом острове являются инженеры, набранные из числа арестантов. Эти люди не имеют никакого влияния, почти беззащитны перед лицом несправедливости и подвергаются жестокому обращению, как и все прочие из нашей среды.

Руководству Северного лагеря особого назначения было предписано, по причинам, о которых я скажу позднее, добиваться самообеспечения. Под этим подразумевается заключение как с Карельской республикой, так и со всевозможными организациями и центральными властями различных договоров об использовании труда арестантов на строительстве дорог и зданий, на лесозаготовках. Предпринимаются также попытки восстановить на Соловецких островах разрушенные фабрики и мастерские. Хотя все это, как будет показано ниже, не заканчивается ничем, кроме провала.

Начальник управления СЛОНа имеет в своем распоряжении кого-то вроде «юридического советника по вопросам принудительного труда». Эту, практически бесполезную обязанность, исполнял Френкель — крупный венгерский фабрикант. Френкель прибыл в Россию по приглашению Внешторга, чтобы заключить торговые соглашения и взять в аренду некоторые советские предприятия на

концессионных условиях. Вместо этого он оказался сосланным по приказу ГПУ на Соловки сроком на два года за «шпионаж в пользу международной буржуазии» (ст. 66 Уголовного кодекса). Иногда Френкеля посылают даже в Москву и Петроград по коммерческим и юридическим делам лагеря. Срок его наказания истекает в конце нынешнего года (1925), но согласно приказу ГПУ от августа 1924 года с Соловков его отправят не в Венгрию, а в Нарын^[18], затем в Туруханск^[19] и в конце концов, в Зарянский район.

Низшие круги администрации Соловков включают в себя старост, командиров трудовых полков и командиров трудовых рот.

До недавнего времени старостой Соловецкого лагеря (он же и командир трудового полка) был чекист по имени Михельсон увечное, уродливое создание, отличавшееся дикой свирепостью. Когда в конце 20-х годов Советская власть осуществляла репрессии в побежденном Крыму, Михельсон являлся правой рукой другого изверга — Бела Куна, бывшего диктатора Венгерской Советской республики, которому помогал в деятельности «председателя Триумvirата по руководству красным террором в Крыму». Михельсон, как и Бела Кун, прославился далеко за пределами Крыма казнями десятков тысяч врангелевских офицеров и солдат, а также гражданского населения. В итоге даже сам Дзержинский, которого никак нельзя заподозрить в человеколюбии, вынужден был положить конец крымским Варфоломеевским ночам. Бела Куна объявили психически неполноценным (это проскользнуло в советских газетах), а Михельсона сослали на Соловки. В настоящее время он руководит действиями ГПУ в одной из автономных республик.

Другая, достойная внимания личность — Мариан Смоленский, член польской компартии, который ко времени моего прибытия на Соловки уже числился командиром трудовой роты. В середине 1924 года его освободили, и он получил прибыльную должность в ГПУ. Смоленский не стал сдаваться в плен в период советско-польской войны 1920 года, он перешел на сторону красных по собственному желанию. «Пролетарская солидарность» сочеталась в нем с ненавистью к своим братьям по классу. Он был неистовым польским шовинистом и к русским относился с такой жгучей ненавистью, что багровел от злости при одном только слове «Россия». Он безнаказанно предавался своей ненависти по отношению к заключенным, которых

безжалостно избивал. Имя Смоленского увековечено в анналах Соловков «смоленскими палками», им изобретенными. Это толстые изогнутые дубины, по сей день используемые для избивания арестантов.

Нельзя обойти стороной и другого командира трудовой роты Грохальского. Его расстреляли на Соловках осенью 1924 года. Грохальский заявлял, что при царе был офицером интендантской службы. Он производил впечатление человека интеллигентного. У него был лишь один глаз. В конце 1917 года, когда большевики захватили власть, его назначили комендантом города Ораниенбаум на Финском заливе. Там ему и выбили правый глаз, то ли пулей, то ли ружейным прикладом.

Главная претензия Грохальского на популярность основывалась на том, что он принимал участие в знаменитом московском восстании в Бутырской тюрьме зимой 1923 года. Заключенные, которых годами держали под стражей без предъявления им какого-либо обвинения, пришли в полное отчаяние и подняли восстание под руководством политических (социал-революционеров). В одно прекрасное утро Москва была разбужена дикими воплями. Арестанты, в количестве трех тысяч, разоружили внутреннюю охрану тюрьмы и потребовали, чтобы их дела были незамедлительно рассмотрены самим Калининым, председателем ВЦИК, а также настаивали на отставке прокурора республики, небезызвестного Катаняна. Высунувшись из окон, они скандировали на всю Москву: «Мы требуем Калинина, нам не нужен Катанян!»

Весь город устремился к тюрьме. Ведущие к ней улицы были заполнены народом, многие аплодировали. Демонстрацию не удалось остановить ни уговорами, ни угрозами. В течение двух часов раздавались истошные вопли. В конце концов ГПУ применило силу. Два полка специальных войск ГПУ — ЧОН^[20] сломили сопротивление толпы и ринулись к тюрьме. ГПУ настоятельно потребовало самого жестокого наказания для восставших. Организаторов в тот же день расстреляли на тюремном дворе, остальных заключенных избивали шомполами. Две недели тюрьма совершенно не отапливалась, хотя стояли сильные морозы. Все окна были разбиты. Узники посадили на голодный паек и отобрали у них шерстяные одеяла. Те из

заключенных, которые стонали от холода громче остальных, были сосланы на Соловки на пять лет. Грохальский относился к их числу.

Через шесть месяцев Васько заявил, что Грохальский не только громко стонал, но и был также одним из подстрекавших демонстрации, в связи с чем последний и был расстрелян.

Квицинский, которого Фельдман отправил в Москву для разбирательства после расследования в Холмогорах, уже известен читателю. За свои страшные преступления он не понес никакого наказания и до сих пор продолжает на Соловках «славные» традиции «Белого дома», постоянно прибегая к помощи «смоленских палок».

До смены кабинета весной 1924 года комендантом Кемского лагеря, как я уже упоминал, был Гладков — покровитель всех уголовников. Но более могущественного защитника своих интересов уголовники обрели в лице жены Гладкова, простой калужской крестьянки, которая полностью держала в кулаке своего мужа. Официальное ее звание — администратор. Но весь лагерь обращался к ней почтительно, называя «Мать». Этим именем нарекла ее благодарная шпана. И действительно, она была матерью для уголовников. Эта женщина позволяла им не работать, освобождая при этом от наказаний, вступалась, когда они занимались грабежами других заключенных, прочими бесчинствами. Было совершенно бессмысленно подавать жалобу Гладкову о том, что уголовники украли у вас последнюю пару брюк. Комендант Кемского распределительного центра неизменно давал один и тот же ответ, прибавляя к нему несколько непечатных выражений: «Меня не интересует, ограбили они тебя или нет, раньше у моей шпаны ничего не было, а ты — буржуй».

Под покровительством Гладкова и «Матери» уголовники осуществляли в лагерях свою диктатуру. Фактически, они и по сей день — привилегированная каста, аристократия Соловецких островов.

Помощником Кемского коменданта до смены кабинета был Климов, тоже из арестованных чекистов. До поступления на службу в ведомство Дзержинского он являлся комендантом Московского Кремля. Несколько позже входил в свиту Троцкого. После переброски на работу в ГПУ он проявил блестящие способности во взятковзимании, уже начал было посягать на кусок хлеба самого председателя губернского ГПУ, в связи с чем шеф поспешил избавиться от него, сослав его на Соловки сроком на десять лет.

Но талантливые люди везде на виду. На Соловках Климов продолжал свое прежнее дело — взяточничество. Группа «Казино» привезла с собой во владения СЛОНа большие суммы денег и вдобавок каждый месяц получала дотации от мадам Каменевой. Представители этой группы просто засыпали Климова деньгами, а в ответ он освобождал их от работ.

В 1924 году — вместо того чтобы предстать перед судом — Климов был переведен в Соловецкий монастырь и там возглавил ВОХР^[21]. На его место прибыл человек по имени Провоторов, но вскоре от отсюда уехал и стал комендантом Конд-острова близ Попова острова.

Помощником Гладкова и «Матери» по хозяйственной части был арестованный чекист Мамонов, молодой человек двадцати двух — двадцати трех лет. Его сослали на Соловки на десять лет по причине тех же «добродетельных» поступков, совершаемых всеми его коллегами: взяточничества, пьянства, жестокого обращения с заключенными.

Несмотря на свою молодость, Мамонов был опытным человеком. Невообразимым воровством государственного имущества (о чем он сам регулярно сообщал народу, когда напивался), мошенничеством, и совершенной некомпетентностью он полностью развалил хозяйство Кемлагеря, а счета привел в полный беспорядок. Московский чекист Кириловский, который в конце марта 1924 года сменил Гладкова, отказался принимать руководство лагерем до тех пор, пока специальная комиссия не расследует деяния Мамонова. Поэтому центром была назначена следственная группа. Она провела за проверкой мамоновских счетов и хозяйственных книг ровно пять месяцев, день в день. Открылась страшная картина материального урона, воровства и мошенничества, но Мамонов так и не понес наказания.

Глава 4

Лагерь на Поповом острове

Холод, сырость и тьма — Лагерь, его географическое положение и «прелести» —

Последние усовершенствования — Легкий труд за большую взятку

Сама природа противится существованию такого явления, как каторга. Соловецкие лагеря особого назначения находятся на весьма отдаленном севере. Климат там суровый и влажный. Лето длится только два — два с половиной месяца. Снег начинает стаивать очень поздно, и весна всегда задерживается. Часты бури, метели, пронизывающие северные и северо-восточные ветры. Девять месяцев в году Соловецкий монастырь полностью отрезан от внешнего мира. Особенно угнетает долгая сумрачная зима, тем более что освещение в бараках скудное Сырость, распространяемая соловецкими болотами, вредно воздействует на здоровье заключенных, и без того изнуренных тяжелым физическим трудом.

Монастырский Кремль, огороженный высокой каменной стеной, напоминает крепость. Там, в бывших монашеских кельях, живут контрреволюционеры и шпана. Им пришлось самим обеспечить себя койками, столами и топливом. Кроме того, эти группы заключенных занимают еще и церкви. Последние не так давно были разграблены, и многие из них стоят с разбитыми окнами. Помимо основных (Преображенского, Троицко-Зосимо-Савватиевского и Успенского соборов, а также храмов св. Николая, св. Филиппа и Благовещения Богородицы) существует еще около десяти церквей и часовен, а также множество отдельных отшельнических жилищ, где расквартированы политические. Чекистам же отвели дом архимандрита и лучшие кельи.

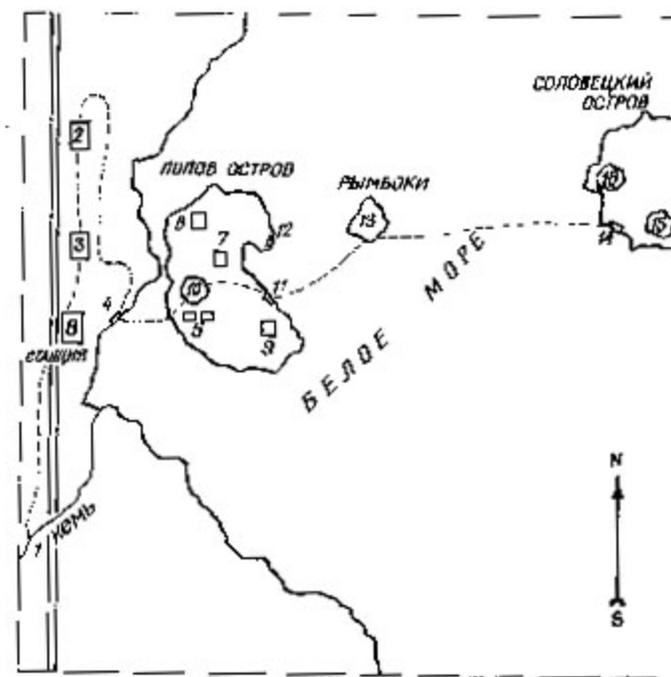
Попов остров имеет около трех миль в длину и две мили в ширину. Пролив между ним и материком узок (всего в четверть мили) и неглубок. Поэтому оказалось возможным перекинуть через него мост на деревянных сваях для узкоколейки, которая связывает остров с городом Кемь — ответвлением от линии Петрозаводск — Кемь — Мурманск.

Расстояние между станцией на Поповом острове и станцией Кемь (она находится в двух милях от города) около восьми миль: кроме того, ближе к Кемь на железной дороге есть еще и полустанок. Деревянная пешеходная дорога, сделанная из бревен, ведет из лагеря к островной станции. И точно такие же дороги связывают различные строения.

На восточной стороне Попова острова находятся две пристани — северная и южная. Используется же только последняя. Попов и Соловецкий острова разделяет около сорока миль: двенадцать миль до Рымбаки и еще двадцать восемь миль от Рымбаки до Соловецкого острова. Море между Поповым островом и Рымбаки зимой не замерзает, а между Рымбаки и Соловецким островом замерзает. На Рымбаки находятся маяк и склады.

Фабрика «Северолес» расположена близко к южной пристани. На ней используется труд заключенных. Два больших здания рядом с лагерем, неподалеку от склада лесоматериалов, заняты красноармейцами 95 дивизии.

Попов остров и его окрестности

1. Река Кемь.
2. Избушка станционного рабочего.
3. Полустанок.
4. Место, откуда начался наш побег (пунктирная линия указывает наш маршрут в течение первой недели).
5. Два здания, занятые 95 дивизией ГПУ.
6. Телеграфная станция.
7. Склад лесоматериалов.

8. Железнодорожная станция.
9. Здание «Северолеса».
10. Лагерь, огороженный проволочным забором.
11. Южная пристань (действующая).
12. Северная пристань (бездействующая).
13. Маяк.
14. Пристань.
15. Соловецкий монастырь, огороженный проволочным забором.
16. Секирова гора или Секирка — место наказаний.

На северной оконечности находится телеграфная станция. Зимой это единственное средство связи с Соловецким островом. Монастырский телеграф расположен в Кремле. В ясную погоду с пристани Попова острова хорошо просматривается знаменитая Секирова гора на Соловецком острове.

Сам концлагерь имеет вид прямоугольного огороженного пространства приблизительно в двести ярдов длиной и сто пятьдесят шириной. Он стоит на болоте, в юго-восточной части острова. А вокруг разбросаны груды камней. Близость болота способствует распространению малярии, цинги и легочных заболеваний. На Соловках заключенные ужасно мучаются из-за отвратительных комаров, которые роятся на болоте, никому не давая покоя ни днем, ни ночью.

Лагерь огорожен высоким проволочным забором. Вдоль него, через определенные интервалы, стоят сторожки для часовых. Каждая вмещает восемь человек. В караульном здании, что вне лагеря, красноармейцы (общее количество — тридцать восемь человек) образуют резервную силу для помощи или замены наружной охраны в случае необходимости. Дежурные чекисты расквартированы внутри лагеря, в комендантской.

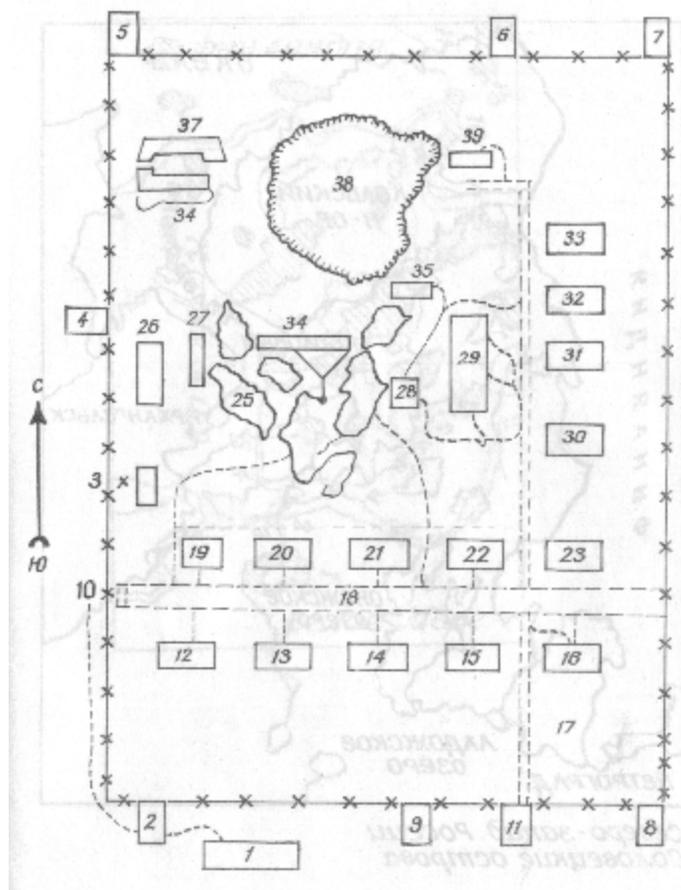
Вход в лагерь и выход из него осуществляются через главные ворота, охраняемые специальным караулом. Другие ворота (на плане помечены цифрой 2) постоянно заперты. Они считаются запасными. Большая часть лагерных бараков построена британцами, действовавшими совместно с русской северной армией под предводительством генерала Миллера.

Руками же заключенных, уже при советском режиме, построено совсем немного. До 1925 года в лагере не имелось ни борной, ни

больницы, ни электростанции, ни мастерских; не было и дорог — ни деревянных, ни грунтовых. Совсем еще недавно случалось, что арестанты тонули в липкой болотной жиже, а бараки заливались потоками жидкой грязи.

Деревянные дороги сделаны из досок и планок, которые поддерживаются установленными на болоте сваями. Таких дорог и тропинок всего пять. Самая большая из них идет от главного хода до восточной стороны проволочного забора и называется «Невский проспект». Другие дороги тянутся от запасных путей к «Невскому проспекту» и от него к уборной, к бараку № 1 (на плане он помечен цифрой 29), где живут политические, а от крайнего складского помещения — к больничному бараку (на плане цифра 36).

План лагеря на Поповом острове

1. Караульное помещение.

2-9. Сторожки для часовых (в каждой по восемь человек) вдоль проволочного забора.

10. Главные ворота.
11. Запасные ворота.
12. Женский барак (из двух отделений).
13. Лагерные чиновники и технический персонал.
14. Вторая трудовая рота.
- 15,16. Первая трудовая рота^[22].
17. Деревянная дорога от запасных ворот.
18. «Невский проспект».
19. Комендантская.
20. Специализированная трудовая рота^[23].
- 21-22. Третья трудовая рота.
23. Тюрьма, дежурный квартирмейстер.
24. Кузница.
25. а, б, с. Груды камней.
26. Мастерские.
27. Электростанции.
28. Кухня.
29. Барак для политических.
- 30-33. Склады.
34. Уборная.
35. Помойка.
36. Больница.
37. Лошади, телеги.
38. Овраг.
39. Сеновал.

Грунтовые дороги проходят от «Невского проспекта» вдоль линий складских помещений (30–33 на плане), а от «Невского проспекта», мимо кухни, мастерских, электростанции — к больнице, от комендантской же — мимо барачных, где расквартированы контрреволюционеры и шпана. Кроме перечисленных, имеются еще несколько узеньких и неровных дорожек через болото — от барака политических к кухне — и в другом месте.

Комендантская — здание № 2 (на плане цифра 19). Это помещение поделено на несколько отсеков, предназначенных для различных отделов управления лагерем: административного, хозяйственного и т. д. «Специализированная» рота, расквартированная в бараке № 4 (цифра 20 на плане), состоит из портных, сапожников, столяров и

других специалистов, которые удовлетворяют нужды администрации и красноармейцев.

Электростанция находится под присмотром инженера по фамилии Красин. Прежде он был таможенником, но его уволили за спекуляции и сослали на Соловки. За мастерскими наблюдает «приверженец» Савинкова. Кухня вверена бывшему полковнику Рашевскому, а конюшня — другому контрреволюционеру по фамилии Ларин.

Делами лагеря ведает некий Павлов (Николай Николаевич), продажный мошенник. Он берет взятки по аукционному принципу: тот, кто предлагает больше всего денег, высвобождает себе день. Приведу такой пример. На Поповом острове нет воды — ее необходимо доставлять из Кеми. Для этой цели предназначены две телеги с цистернами. Поскольку возить воду — самая легкая работа (по сравнению с выкорчевыванием пней), за обладание ею ведется отчаянное соперничество. И Павлов без стеснения спрашивал: кто за нее больше заплатит. Было трое арестованных, которые ухитрились провезти с собой крупные суммы денег. Они предложили больше остальных (в складчину 150 рублей) и возили воду вплоть до самого моего побега.

Высокое лагерное начальство проживает в небольшой рыбацкой деревушке (около семидесяти изб), недалеко от проволочного забора. Во время своего дежурства старшее должностное лицо останавливается в лагере.

Глава 5

Тирания уголовников

Распределитель — Ограблены в первую же ночь — Неписанный закон уголовников — Наказание предателя — Профессорская посылка — Удачное вымогательство.

Все только что прибывшие на Попов остров заключенные направляются в лагерный распределитель.

Едва вступив на злополучную землю Соловков, вы сразу же подвергаетесь натиску шпаны. Когда наш этап, состоявший из кавказских контрреволюционеров, духовенства, группы «Казино» и многих других, приблизился к бараку № 6 (распределителю), то навстречу нам вышли вооруженные чекисты из числа заключенных. Им хотелось знать, есть ли среди нашего этапа сотрудники или агенты ГПУ, так как последним ни в коем случае не следует входить в распределитель, иначе уголовники их тут же поубивают. Несколько человек отошли в сторону. Остальные проследовали в барак № 6. Это был огромный деревянный сарай, до отказа набитый шпаной. Койки в нем располагались в два яруса — один над другим. Ложа и пол под нижним ярусом были усеяны полуобнаженными телами. В воздухе стоял настолько ужасный смрад, что я с трудом удержался на ногах. Раздавались пьяные вопли и плач, отвратительнейшая брань. Лампа в углу давала скудный свет.

Я потому так подробно описываю распределитель, что все вновь прибывшие вынуждены пройти через этот мучительный этап своей неволи. Кроме того, это как нельзя более красноречиво характеризует условия Соловецких лагерей в целом.

Уже наученные своим прежним ростовским опытом, мы улеглись на собственные вещи, подложив их под головы. Но этой меры предосторожности оказалось совсем недостаточно. Ночью меня разбудил страшный шум. Пристально взглянув в полутьму, я с ужасом понял, что все наши вещи разворованы, съестные припасы растащены, корзины, чемоданы и коробки грубо вскрыты. Из одного

угла доносились вопли — там довольно оригинальная судебная комиссия уголовников приговорила к порке своего дружка, присвоившего себе слишком много чужого добра. В другом углу трое уголовников деревянными брусьями колотили товарища по голове. Он истекал кровью, но, тем не менее, отказывался отдать белье, которое цепко сжимал в руках. На верхнем ярусе, под самым потолком, уголовники на наши же деньги играли в «три листика» (русская карточная игра). Около дверей группа шпаны заключала торговую сделку с охранником, выменивая чей-то плед на спирт.

На следующее утро мы, представители контрреволюционной группы, решили, что подавать жалобу бессмысленно. И все же один заключенный из политических, социал-революционер (тоже из нашего этапа), с негодованием сообщил коменданту о поведении шпаны, по милости которой он остался среди зимы в одной рубашке. Комендант ради проформы явился в барак и очень нерешительным тоном потребовал: «Верните вещи. Что за безобразное поведение!» Уголовники ответили раскатистым хохотом. А на следующую ночь они наверняка убили бы социал-революционера, не вступись мы за него.

Утром епископу Иллариону Троицкому, ближайшему соратнику патриарха Тихона (давнишнему обитателю лагеря), было приказано сопровождать наш этап в барак № 9.

Обычных уголовников тесно сплачивает неписанный внутренний закон. Эти полуголодные, полураздетые висельники, мрущие ежедневно от цинги и сифилиса, тем не менее, никогда не идут на риск. Повышенная благосклонность и покровительство, оказываемые соловецкими властями шпане, всей без исключения, довольно легко объяснимы.

Враждебность, инстинктивно испытываемая уголовником к контрреволюционеру, образованному барину, в равной же степени присуща и каждому чекисту, поскольку он тоже видит в любом контрреволюционере монархиста и буржуя. Другая причина, делающая бесполезными жалобы на шпану, состоит в том, что большую часть соловецкой администрации с уголовниками роднит не только умонастроение, но и схожесть дореволюционного прошлого.

Когда я попал на Попов остров, в лагере насчитывалось тысяча четыреста человек шпаны. Число контрреволюционеров можно было несколько раз поделить на эту цифру. А политических было всего

около семидесяти человек. Последние, по причинам, которые я назову ниже, вообще не работали. К тому же «мать» постоянно освобождала уголовников от любых форм труда. Поэтому на плечи контрреволюционеров страшным грузом ложилась непосильная, изнурительная работа.

Положение вещей преимущественно таково: шпана трудится мало, политические совсем не работают, работают только контрреволюционеры.

Своеобразный этический кодекс соловецких уголовников объединяет их всех в неделимый союз. Этот кодекс применяется самым жестоким образом. Если уголовники обнаруживают что среди них оказался «ссученый» (на их языке данное слово означает «изменник», разглашающий властям тайны), то его немедленно убивают наимучительнейшим способом. Нигде в такой степени не реализуется принцип «один за всех, все за одного», как среди уголовников.

В середине 1924 года в Москве наконец-то была задержана шайка разбойников, которой долгое время удавалось уклоняться от ареста. Ее главарем является бандит по имени Моисейко. Дружки — грабители прозвали его «Петлюрой». А члены банды именовались «петлюровцами». Эти разбойники, помимо нескольких вооруженных налетов, имели на своей совести множество «мокрых дел» («Мокрое дело» на воровском языке означает убийство). Один из наиболее активных «петлюровцев», известный по кличке «Аврончик», сделался «ссученым»: предал шайку и всячески способствовал ее аресту.

Банда состояла из 38 человек обоих полов. 30 из них были «посланы налево» (на воровском жаргоне — название расстрела) в Бутырской тюрьме в Москве. А восемь человек, (среди них сам Аврончик, а также четыре женщины, жены расстрелянных) было отправлено на Соловки.

Когда предатель оказался в распределителе, внезапно появились уцелевшие «петлюровцы» и чуть не до смерти избили его. Петлюровцев — мужчин тут же арестовали, а Аврончика поместили в больницу. Но даже там ему не удалось спастись. Четыре женщины из банды проникли в больницу и убили Аврончика, проломив ему череп.

Дело было переслано в Москву. ГПУ ответило коротко: «Расстрелять». И в ноябре 1924 года уцелевшие петлюровцы-мужчины

и женщины пали от чекистских пуль, подтверждая своей гибелью жизненные принципы уголовников.

Если шпана не гнушается убийством тех, кто ей не угоден, то еще меньше ее смущает грабеж всех и каждого. Кроме прочего, к грабежу уголовников вынуждают и постоянный голод, холод (на Соловках довольно часто можно видеть заключенных из шпаны совершенно голыми), их пристрастие к картам и вину.

Грабежи, неизменными жертвами которых являются контрреволюционеры, замышляются с профессиональным мастерством. Как я уже говорил, по прибытии на Попов остров нас переместили из барака № 6 в барак № 9. Он был разделен при помощи деревянных перегородок на четыре отделения: в первом жил староста лагеря, во втором «казиношники», третье служило лагерной тюрьмой, а в четвертом располагались мы — контрреволюционеры, имея с тюрьмой общую стену.

Несколько раз шпана проделывала с нами разного рода трюки. Уголовники совершали серьезные нарушения и намеренно попадали в тюрьму. Затем они буравили в деревянной стене, отделяющей тюрьму от нашего помещения, отверстие ближе к полу, и ночью, бесшумно проползая под нарами, выкрадывали вещи, продукты и деньги. И если кто-нибудь пытался требовать назад свою собственность, уголовники избивали его до полусмерти.

Шпана всегда делилась своей добычей с лагерной охраной и со старостой. И поэтому никто из них не уделял никакого внимания нашим жалобам. А однажды староста даже заявил, что мы сами грабим друг друга.

Иногда грабежи сменялись бесстыдным вымогательством, осуществлявшимся не без потворства со стороны персонала. Например, среди заключенных нашего барака находился профессор Кривач-Неманец, человек преклонного возраста (примерно семидесяти с лишним лет). По национальности он был чех и служил переводчиком в Комиссариате иностранных дел. Его сослали на Соловки (на десять лет) по той же 66 статье УК, что и всех остальных иностранцев — «шпионаж в пользу международной буржуазии». Конечно же, он был совершенно невиновен. Кривач-Неманец пользовался большим авторитетом в лагере. Его глубоко уважали, главным образом за то, что

он бегло разговаривал на многих языках, включая китайский, японский, турецкий, а также знал и европейские языки.

Профессор получил посылку с подарками от политического Красного Креста, возглавляемого мадам Пешковой, женой Максима Горького. Данная организация распространяла свою поддержку только на политических заключенных и, очевидно, считала контрреволюционеров обычными бандитами, раз бросили их на произвол судьбы, на милость соловецкой администрации и шпаны.

Профессор радовался посылке, как дитя, но, увы, недолго. Шпана снова наводнила тюрьму. Бандиты в очередной раз проломили стену и похитили наши вещи, включая и посылку Кривач-Неманеца. Наутро уголовники прибегли к шантажу. Нам всем хорошо был знаком этот метод. Через чекиста они прислали профессору письмо, в котором предлагали ему его же вещи за шесть червонцев (около шести фунтов). Чех, промерзший в насквозь продуваемом бараке, счел искренним это предложение, несмотря на наши предостережения, и послал шпане через того же чекиста все свои деньги, оставшись без единой копейки. Как мы и думали, ни вещи, ни деньги возвращены не были. Некоторое время спустя несколько уголовников уехало с Соловков, среди них были и ограбившие профессора. По дороге на юг они послали ему письмо, в котором обещали «всегда помнить дорогого профессора, не забывать его до последних своих дней».

Грабеж контрреволюционеров считался у уголовников чуть ли не делом чести, но ограбить своего товарища было строго наказуемым преступлением. Посылки для контрреволюционеров и политических хранятся в специальном помещении на Поповом острове в течение осени и зимы, пока не откроется навигация и не станет возможным сообщение с монастырем. Когда наступает весна, их переправляют в монастырь на специальном пароходе. Несколько раз уголовники вламывались в это помещение, безнаказанно наслаждаясь плодами своего грабежа. И это полностью оправдывалось их сотоварищами. Но однажды, когда в разграбленном бараке оказалось несколько посылок для уголовников, с виновниками обошлись самым жестоким способом: двое взломщиков были просто напросто убиты.

Глава 6

«Контрреволюционеры»

*Самая тяжелая работа — для
контрреволюционеров —
«Контрреволюционеры» — многозначный
термин — Пестрое разнообразие — Особые
гонения на духовенство — Выдающиеся
деятели церкви*

Политические на Соловецких островах живут в отдельных кельях, в пещерах отшельников. А на Поповом острове — в специальном бараке. Контрреволюционеры же и в монастыре, и в Кемском лагере находятся вместе с обычными уголовниками. Монастырские кельи и лагерные бараки до отказа заполнены человеческой мешаниной из шпаны и контрреволюционеров.

Контрреволюционеры не только выполняют самую тяжелую работу и содержат в порядке собственные помещения; но, помимо этого, им вменяется в обязанность очищать норы уголовников от остатков пищи, плевков, грязи и вшей. Как только прибывает новая партия контрреволюционеров, их тут же заставляют мыть бараки, которые настолько загажены шпаной, что эта повинность значительно ухудшает здоровье многих контрреволюционеров.

В 1924 году, в течение двух месяцев, полторы тысячи контрреволюционеров были привлечены к уборке лагеря на Поповом острове. Достаточно сказать, что очень часто уголовники отправляют свои естественные потребности прямо на месте, т. е. в бараках.

Конечно, уголовники не испытывают даже малейшего чувства благодарности за все, что для них делается. Напротив, эта процедура, столь оскорбительная для всякого человека, воспринимается шпаной, как должное, и только обрекает тех, кто исполняет ее на новые оскорбления со стороны уголовников, поддерживаемых лагерной администрацией.

К примеру, когда мы вычистили указанный администрацией грязный барак, «благодарная» шпана прислала нам ультиматум с подробным перечнем большого количества продуктов: чая, хлеба, сахара, табака и т. д. Все это должно было быть немедленно вручено

уголовнику, принесшему ультиматум. Нам сказали, что в случае невыполнения нас сначала избьют, а потом дочиста ограбят.

Мы вынуждены были отдать требуемые продукты. Такого рода ультиматумы пользуются огромной популярностью среди шпаны. Она забрасывает ими контрреволюционеров и в монастыре, и в Кемлагере.

Очень трудно сделать подробный обзор той категории заключенных, к которой относятся контрреволюционеры, или хотя бы дать ей точную оценку. На Соловках довольно мной контрреволюционеров — около трех тысяч. Они включают в себя разнородные элементы, так что дать определение всей контрреволюционной массе весьма непросто. Разбив эту категорию на группы, хотя бы на условные, можно было бы помочь читателю составить хотя бы приблизительное представление о контрреволюционерах. Но этого будет явно недостаточно. В лагерях имеется много контрреволюционеров, которых вообще невозможно классифицировать.

В Северных лагерях особого назначения немало представителей так называемых гуманитарных профессий: инженеров, адвокатов, литераторов, учителей, врачей. Очень много учителей начальных и средних классов, а также университетских преподавателей — как мужчин, так и женщин, причем последние составляют большинство. Имеется немалое количество крестьян, рабочих, ремесленников и мелких служащих. Довольно хорошо представлены донские, кубанские, сибирские казаки и народы Кавказа. Из нерусских, являющихся советскими подданными, на Соловках наиболее многочисленны эстонцы, поляки, карелы (некоторые из которых вернулись из Финляндии, поверив в амнистию^[24]) и евреи. Последние преимущественно присылаются на Соловки вместе со своими семьями: одни по обвинению в причастности к сионизму, Другие — по обвинению в экономической контрреволюции, третьи обвинены в так называемом «вооруженном бандитизме»: под которым ГПУ подразумевает все, что ему заблагорассудится: от членства (даже в прошлом) в монархической партии до производства фальшивых банкнот.

На Соловках много иностранцев, о которых более подробно я скажу ниже.

Самые большие группы заключенных составляют офицеры старой и новой армии, деловые люди дореволюционной поры и нэпманы^[25], видные представители старого режима — бюрократы и аристократы, а также духовенство.

В настоящее время на Соловках находится приблизительно триста епископов, священников и монахов. К этому количеству следует прибавить несколько сотен мирян, сосланных на Соловки вместе с духовными лицами, главным образом по 72-й статье УК — «религиозная контрреволюция, сопротивление конфискации церковных ценностей, религиозная пропаганда, обучение детей в религиозном духе» и т. д.

Духовенство на Соловках, хотя и является самой притесняемой и унижаемой лагерными властями группой заключенных, обращает на себя внимание смирением и стоицизмом, с которыми оно переносит физические и нравственные страдания.

Будучи сызмальства приученными к тяжелому физическому труду, представители духовенства справедливо почитаются лучшими работниками в лагере. И с этой точки зрения почти по достоинству оцениваются администрацией, хотя она и эксплуатирует их самым бесчестным образом. Священников посылают на изнурительнейшие работы, например, все отрезки узкоколейки были проложены духовными лицами.

Естественно, любые виды религиозных служб находятся под запретом. В лагере на Поповом острове скончался один священник, немощный старик. Перед смертью он со слезами на глазах умолял коменданта позволить владыке Иллариону совершить над ним святое причастие. Комендант в оскорбительной форме отказал умирающему.

Каждый день в лагере считается рабочим, и на Пасху или Рождество власти стараются поручить представителям духовенства наиболее унижительную работу, например, чистку отхожих мест.

В Северных лагерях особого назначения заключены следующие известные деятели церкви: владыка Илларион (Троецкий) — глава Московской епархии, самый близкий помощник последнего патриарха Тихона. Ни на свободе, ни в тюрьме митрополит Илларион не вступал в конфликт с Советской властью, но он всегда был решительный сторонник истинного православия, в противовес «живой церкви», которую щедро субсидирует ГПУ. За отстаивание своих религиозных

убеждений и за тесную связь с патриархом Тихоном епископа сослали на три года в Архангельск, где он отбывал срок наказания в самых ужасающих условиях. Владыка вернулся в Москву и вновь принялся энергично бороться против «живой церкви», участвовал в богословских дискуссиях, беспощадно развенчивая коммунистический вздор своего оппонента Луначарского^[26], и снова был сослан, на сей раз на Соловки.

Владыка Масуил (Лемешевский) управлял делами Петроградской епархии после расстрела митрополита Вениамина. Приговоренный к ссылке, согласно статьи 72 УК («религиозная контрреволюция»), под которой большевики подразумевают защиту православия от разрушительных натисков «живой церкви», в сентябре 1924 года епископ прибыл на Соловки. Шесть других епископов и монахов, а также двенадцать мирян были высланы в то же время и по той же статье.

Епископа Серафима (Колпинского), епископа Петра (Соколова), исполняющего обязанности епископа Саратовского, епископа Питирима (Крылова) — игумена Казанского монастыря, а также пятнадцать представителей монастырского черного и белого духовенства, всех до единого, сослали на Соловки по той же 72 статье. Сотни прочих епископов, священников и монахов депортировались не только по причине того, что исповедуемая ими религия была «опиумом для народа», но и потому, что они не желали оправдывать разграбление церквей, якобы для помощи страдающим от голода, а, наоборот, публично осудили эту акцию, как дело рук сторонников «живой церкви», подкупленной государством.

Глава 7

Жертвы ЧК: некоторые странные случаи

Жена и муж — Обман ежегодной амнистией — Ужасный конец Бориса Савинкова — Помощь голодающим — преступление — Дзержинский в неожиданном освещении — Неутомимый охотник за паразитами — пытки старых заложников

Причины, по которым людей ссылают на Соловки, так разнообразны и настолько безосновательны, что их невозможно расценить, как обычное изобретение чекистской «юриспруденции».

К примеру, среди заключенных находится престарелая графиня Фредерикс. Во время войны, в качестве сестры милосердия от Красного Креста, эта пожилая дама исполняла великую миссию, заботясь о раненых офицерах и солдатах. А сейчас она не получает никаких посылок от Красного Креста, но чем может помогает больным (сама она постоянно недоедает), из-за чего без конца подвергается насмешкам и оскорблениям. Ее сослали только за то, что она имела несчастье быть сестрой графа Фредерикса, министра императорского двора при казненном царе. Его хорошо знали как ближайшего советника Николая II. Именно в то время, как графиню сослали на Соловки, сам граф, глубокий старик (ему было лет сто) до последнего времени жил на свободе в Петрограде. Только относительно недавно ему разрешили выехать в Финляндию.

В одной из келий Соловецкого острова (в так называемом женском здании) томится жена известного государственного деятеля старого режима, страдая от скудного питания и непривычного тяжелого физического труда. Официальное заключение по ее делу гласило: «Сослать на Соловки на пять лет как жену министра Николая кровавого». Сам же министр занимает высокую должность в советском правительстве.

Слесаря по фамилии Тимошенко привезли на Соловки из Воронежа, на двухлетний срок. Это был обыкновенный рабочий,

ничего общего не имеющий с политикой. Он все время пытался добиться от Васько ответа на вопрос, за какое преступление его бросили в концлагерь. И только в 1925 году, по прошествии двух лет заключения, его обвинили в принадлежности к «контрреволюционной организации Савинкова» и увезли в Нарынский район еще на три года.

В то же время из Новохоперска (уездный город в Воронежской губернии) на Соловки еще прислали «савинковцев». Среди них: Врешников — бывший управляющий владениями графа Воронцова-Дашкова на Кавказе, Савинов — специалист, Кривякин — управляющий делами в советском учреждении, и другие. К ним следует присоединить инженера из Полтавской губернии по фамилии Новицкий и группу воронежских крестьян. Многие из крестьян, когда им говорили на Соловках, что они обвиняются в соучастии в «савинковском заговоре», с подозрением спрашивали: «Савинков? Кто он, генерал?»^[27].

В мою бытность на Соловках туда прибыл некий Энштейн, приговоренный к трем годам. Когда он поинтересовался, почему его высылают, то получил от следователя такой ответ: «Потому что вы — деловой человек».

Аналогичный ответ услышал и другой «преступник», еврей-портной по фамилии Гуриев, в прошлом владелец магазина готовой одежды (сейчас он заведует швейной мастерской в Кемлагере).

Не так давно из Польши в Россию бежали два поляка — Минич и Винтовский. Пограничные власти устроили пышную встречу беглецам, «спасшимся от жестокой неволи польских панов». Но московское ГПУ отправило их на Соловки на три года. Оба поляка проклинали сейчас тот день, когда решили пересечь границу «самого свободного в мире государства».

Каждый год в Кемь прибывает две тысячи контрреволюционеров, которые с открытием навигации пересылаются на Соловецкие острова. Особенно много заключенных поступает в течение месяца, предшествующего 7 ноября (25 октября по старому стилю), дню большевистской революции 1917 года.

Каждый год в это время ВЦИК (в целях развенчания «злой лжи международной буржуазии и бесстыжих эмигрантов» о жестокости Советской власти) обнародует крупномасштабную амнистию для «всех врагов правящего пролетариата». Председатели провинциальных

и районных отделений ГПУ, выполняя декреты гуманного ВЦИКа, расстреливают половину своих заключенных за несколько дней до выхода амнистии, а остальных направляют в концлагеря. Так что никто не попадает под сроки действия постановления об амнистии.

В действительности выходит: 7-го ноября никого не амнистируют. ВЦИК удовлетворен, ГПУ тоже удовлетворено, «ложь бесстыжей буржуазии» разоблачена.

Я мог бы заполнить целые страницы именами людей, «амнистированных» таким образом. Для примера упомяну о случае, когда был «амнистирован» не только сам человек, оказавшийся довольно недалёковидным, но и все его родственники.

В конце 1923 года солдат деникинской армии — крестьянин из Полтавской губернии — вернулся в Россию, услышав об амнистии, объявленной советским правительством в ноябре. На границе ему вручили советский паспорт, а по приезде домой он сходил в уездное ГПУ, был зарегистрирован, затем отпущен к родным, в кругу которых провел несколько дней.

В результате, в начале 1924 года этого солдата отправили в Нарынский район Сибири на три года, в то время как его отца и тетку ГПУ депортировало на Соловки за укрывательство контрреволюционера (статья 68 УК). Ко времени моего побега эти крестьяне-жертвы «чудной амнистии» все еще находились на Соловках, ожидая своей отправки в Зырянский район.

На Соловки постоянно присылались и «амнистированные» эмигранты. Перед самым моим побегом прибыла большая группа эмигрантов, на девять десятых состоящая из рядовых солдат. В ней было несколько офицеров. Среди них кавалерист-субалтерн по фамилии Менуэль и бывший адъютант Гетмана Украины Скоропадского — Шапруненко.

Действительная же амнистия распространялась советскими властями только на тех людей (будь то эмигранты или советские граждане), чьи имена могли быть впоследствии использованы как приманка. Такие господа, как бывший генерал Слащев и подобные ему отступники, могут жить на свободе и занимать ответственные посты, пока это устраивает ГПУ и пока ГПУ считает, что имя кого-нибудь из данных «сменовеховцев»^[28] возможно использовать для доказательства «доброй воли Советской власти, которая

амнистировала всех раскаявшихся эмигрантов». Но после того как изменник практически «сделал свое дело», он может быть свободен, а точнее, его отправляют либо в ссылку, либо на тот свет.

Достаточно напомнить о судьбе известного социал-революционера Савинкова, «амнистированного» большевиками, после чего чекисты выбросили его с пятого этажа тюрьмы.

Обычных эмигрантов, которые возвращаются в страну, немедленно ссылают на Соловки или в Нарынский район: в том случае, если по отношению к ним не применена высшая мера (расстрел). Последняя, как правило, ожидает офицеров.

Советское правительство, отплачивая злом за добро, бросает в концлагеря людей, «запачкавших себя» работой в организациях, о которых несчастный русский народ всегда будет хранить добрую память.

На Соловках, среди заключенных, находится зубной врач, московский еврей по фамилии Малеванов. Он активно оказывал помощь американской благотворительной организации в пользу голодающих, результатом чего и стала его ссылка на Соловки на пять лет. Поскольку в настоящее время УК СССР еще не предусмотрена мера наказания за оказание безвозмездной помощи голодающим, к Малеванову была применена статья, связанная с «экономическим шпионажем». Несколько русских, сотрудничавших с американским благотворительным обществом в пользу голодающих и подобными филантропическими организациями других стран, были высланы «благодарным» ГПУ в Сибирь, в Нарынский и Печерский районы.

Карпов, известный управляющий сценой Александрийского театра в Петрограде, а впоследствии Большого и Малого театров в Москве, был сослан на Соловки вместе с другими артистами — Юровским, Георгисом и прочими — по обвинению в контрреволюции. Во время моего пребывания там Карпова препроводили в другое место.

Если чекисты желают кого-либо сослать, но не могут найти подходящего предлога, то для этой цели весьма подходящими оказываются статьи 68 («укрывательство контрреволюционера») и 72 («религиозная контрреволюция»).

Один из самых курьезных случаев — это история человека по фамилии Витте из Петрограда. Его сослали за то, что он носил «контрреволюционную фамилию».

Инженеры-коммунисты (среди них некий Осипов, прославившийся на весь лагерь неисчислимым количеством вшей на своем теле), морские офицеры-сексоты^[29], ювелиры, парикмахеры, помещики, сторонники Махно (руководителя украинского партизанского движения), «экономические бандиты», командиры войск ГПУ, часовщики, — короче говоря, заключенные представляют все известные профессии, общественные уровни, положения и должности.

Очень любопытна ситуация братьев Мышеловиных, часовщиков. Они оба обвинялись в подделке и выпуске банкнот, хотя свидетельские показания, представленные следователю, и результаты домашнего обыска доказывали, что, в то время, как один из братьев действительно изготавливал фальшивые банкноты, второй был совершенно невиновен. И каким же оказалось решение ГПУ? Виновного сослали на Соловки на три года, а невиновного — на десять лет. Мотивы, которыми руководствуются чекистские суды при вынесении подобных приговоров, так и останутся для всех нас вечной тайной.

Довольно любопытной фигурой был технический инженер Красильников Николай Дмитриевич. Его сослали на Соловки за «религиозную контрреволюцию», но в действительности ни к чему подобному он не имел никакого отношения. До революции инженера хорошо знали как толкового человека и решительного противника социализма всех оттенков. Когда большевики пришли к власти, Володарский несколько раз посылал за ним с намерением убедить инженера прекратить проповедь контрреволюции. Но несговорчивый инженер, пользовавшийся громадным авторитетом среди рабочих, продолжал выступать с речами и печатать свои памфлеты. Вскоре он перебрался в Москву, где не оставил активной деятельности, целью которой, как и в дореволюционные дни, была дискредитация социализма любого толка.

Красильниковым заинтересовался сам Дзержинский и послал за ним. Инженер явился в штаб-квартиру ГПУ и там, в кабинете председателя Чрезвычайной комиссии, Дзержинский и Красильников дискутировали в течении нескольких часов подряд о социализме и его утопических целях. Наверное, это был единственный случай в жизни Дзержинского, когда он позволил кому-либо свободно высказываться. И где? В самом здании ГПУ!

Красильников — блестящий оратор — пытался убедить главу чекистов полностью отказаться от надежды воплотить в реальность такую абсурдную идею как социализм. Дзержинский не мог согласиться с этим и пустил в ход доказательства другого рода.

...Ночь тянулась медленно. Дзержинский предложил инженеру складную кровать в своем кабинете. А наутро распорядился, чтобы Красильникову принесли кофе, и позволил ему уйти. Но вскоре, однако, Красильникова арестовали низшие чины ГПУ и сослали на Соловки.

В лагере его буквально поедали вши. Я и сам, пройдя через дюжину тюрем по пути на север, имел представление об этих паразитах, но никогда и нигде мне не доводилось видеть такого количества вшей, как у инженера. Каждое утро и вечер он уничтожал паразитов в огромных количествах, восклицая всякий раз, когда изловит насекомое: «Ага, держи ее, теперь следующая!»

Соловки пропускают через себя как старых, так и молодых. В феврале 1925 года на Попов остров прибыло пятьдесят студентов и школьников из Феодосии, Севастополя, Симферополя и Ялты. Они получили по три года каждый за организацию «контрреволюционного заговора совместно с иностранной буржуазией». Под данной формулировкой подразумевалось то, что руководство заговором осуществлялось из Константинополя. Но все это было совершенно бездоказательно. Кроме взрослых студентов, этап включал еще двадцать учеников средних и старших классов, почти еще детей.

Незадолго до моего приезда на Соловки, ГПУ Закавказской советской республики прислало туда сорок стариков чеченской национальности^[30]. Один из них выглядывал из окна барака, что запрещалось некоторыми чекистами. И за это вся группа была послана на Секирову гору, известную на Соловках как место пыток, посажена в «каменный мешок» (эта процедура описана ниже) и до потери сознания выпорота «смоленскими палками». Одному из стариков было сто десять лет.

Стариков — чеченцев сослали в качестве заложников, из-за сыновей, внуков и правнуков, которые присоединились к партизанским отрядам и ведут непрекращающуюся войну с большевиками. Эта война продолжается до сих пор. Сами же заложники ничего подобного не совершали.

Практика брать заложников и осуществлять жестокие репрессии против родственников и даже против знакомых повстанцев и эмигрантов, была внедрена советскими властями в сложную систему террора, которая не гнушается ничем для достижения своей цели — абсолютного подчинения всего русского народа воле руководителей Коммунистической партии.

Глава 8

«Политические». Привилегированный класс

Современные отшельники — Почему с ними лучше обходятся — Культурные привилегии — Мужество и дисциплина социалистов — Голодовки — «Разгрузились» обычными уголовниками — Выдающаяся советская брошюра

Политических на Соловках в настоящее время около пятисот человек, включая сто пятьдесят женщин и несколько десятков детей. Дети содержатся в тех же условиях, что и взрослые заключенные: это касается как прав и обязанностей, так и выдаваемого пайка. Из политических на Поповом острове находятся шестьдесят мужчин и двадцать женщин. Большинство из них — члены социал-революционной, социал-демократической, бундовской, анархической и других партий подобного рода. Все они сосланы на Соловки за активную оппозицию Советской власти в 1917–1919 годах и за последующую пассивную критику ее действий.

Соловецкий остров составляет, приблизительно, около сорока миль в окружности. Здесь множество пещер, где в прошлом обитали монахи и отшельники, а также святые мужи, давшие обет молчания. Эти пещеры выдолблены в утесах и чем-то напоминают средневековые деревенские жилища. Они разбросаны по всему острову на расстоянии от трех до шести, а иногда даже и до десяти миль от монастыря. Тут же размещены группы политических по двадцать-тридцать человек в каждой пещере.

В Кемлагере они живут в специальном бараке № 11 (помеченном на плане цифрой 29), который поделен на два помещения — одно для мужчин, другое для женщин и детей. Барак огражден проволочным забором и охраняется специальными часовыми.

На Соловецком острове политические могут довольно свободно, без охраны, ходить по своей территории и навещать друг друга.

На Поповом острове их выводят на прогулки в сопровождении часового. Политические никогда не соприкасаются с контрреволюционерами и уголовниками.

Имея в идеологическом отношении гораздо больше общего с большевиками (если, конечно, вообще можно говорить о какой-либо большевистской идеологии), нежели контрреволюционеры, политические, естественно, привлекают определенное внимание со стороны советских властей к своим нуждам и требованиям. Ведь на Советскую власть влияет, отчасти, и правое крыло Коммунистической партии, а в значительной степени — социалисты Западной Европы, к чьим мнениям коммунисты, несмотря на все расхождения, все-таки прислушиваются. В итоге, когда политические прибывают в места ссылки, на Соловки и в другие лагеря, им обеспечивают райские условия, если сравнивать с почти невыносимым существованием контрреволюционеров.

Только после «смены кабинета» весной 1924 года контрреволюционерам было позволено переписываться с родственниками (письма при этом внимательно прочитывались чекистами) и получать посылки с воли. Политические же всегда пользовались такими правами.

Если контрреволюционер не имеет родственников, или его родственники не могут присылать ему деньги, продукты и другие необходимые вещи, он обречен на голодную смерть, поскольку лагерной пайки, выдаваемой с расчетом на десять дней, хватает только на двое суток. В этой связи не следует забывать, что ГПУ, отправляя контрреволюционеров в ссылку, как правило, конфисковывает все принадлежащее ему и его семье имущество. А политические вдоволь получают все необходимое не только от своих родственников, но и еще, во-первых, от политического Красного Креста, возглавляемого мадам Пешковой, во-вторых, от иностранных социалистических организаций, в громадном масштабе посылающих вспомоществование, в-третьих, от Комитета помощи российским ссыльным и заключенным. Следует отметить, что контрреволюционеры никогда не имели такого рода поддержки.

Политические располагают собственной библиотекой, которая постоянно пополняется новыми русскими и иностранными книгами. Им дозволено подписываться на советские и иностранные журналы

неполитического содержания. Они имеют право на создание обществ для культурных целей. Вожди политических читают газеты и по самым различным вопросам могут проводить дебаты — как в пещерах, так и в бараке № 11. Политическим разрешены и занятия спортом. Администрация внимательно прислушивается к любой поданной ими жалобе.

Контрреволюционеры не располагают такого рода возможностями. Им доступна только лагерная читальня. Но так как шпана периодически превращает ее в отхожее место, ни один из контрреволюционеров даже не заглядывает туда.

В лагерь приходят два периодических издания — газета «Беднота» и журнал «Безбожник». Но даже такого рода литература попадает к контрреволюционерам только через два-три месяца после ее прибытия, поскольку вначале читает кемская администрация, затем соловецкая и, в конце концов, красноармейцы. Естественно, контрреволюционерам не разрешено заниматься культурной деятельностью, не говоря уже о политической, да и времени у них на это нет, так как они без конца загружены непосильной работой. Жаловаться бесполезно. (Как администрация рассматривает жалобы, поступающие от контрреволюционеров, читателям уже известно).

И, наконец, политические, согласно установившейся традиции, вообще не работают, отчего имеют огромные преимущества, в противовес тем, по отношению к кому это выглядит — вопиющей несправедливостью. Весь объем работ, как «снаружи» (вне лагеря), так и «внутри» (в самом лагере) возложен в первую очередь на плечи контрреволюционеров и, в меньшей степени, шпаны, участие которой в тюремном труде практикуется с совсем недавнего времени.

Но только ли благодаря симпатиям зарубежных социалистов и относительной терпимости Советского правительства, политическим на Соловках удастся обеспечить себе более или менее сносное существование? В большей степени — это заслуга самих политических.

Я — убежденный противник социальной программы политических, основополагающие задачи которой не отличаются от большевистских идей и являются совершенной утопией. Но тем не менее, я не могу не воздать должное настойчивости и бесстрашию, которые они проявляют (если необходимо, не останавливаясь даже

перед человеческими жертвами) в отстаивании своих требований, выдвигаемых ими как сплоченной, единой организацией для того, чтобы облегчить отвратительные условия жизни в ссылке.

Своей сплоченностью социалисты превосходят даже шпану. Они готовы в любой момент объявить голодовку, поднять восстание, почти без колебаний принять саму смерть, чтобы только не уронить достоинства поставленной перед собой цели.

Зимой 1923 года на территории Соловецкого монастыря политические (числом более тысячи) устроили вблизи от пещер каток. Лагерная администрация сделала замечание группе конькобежцев, распевавшей революционные песни. Был отдан приказ прекратить пение, но политические не повиновались. Тогда Ногтев прислал на каток взвод красноармейцев и распорядился открыть по конькобежцам огонь без предупреждения. Девять человек (шесть мужчин и три женщины) были убиты, многие ранены.

Политические объявили голодовку и потребовали прислать из Москвы следственную комиссию. Буквально все они приняли участие в голодовке и на Поповом острове, и на Соловецком. Некоторые от истощения не могли держаться на ногах и их отправили в больницу. Одним из голодающих политических был хорошо известный социал-революционер Богданов, который до своей отправки в Нарынский район в апреле 1925 года являлся общепризнанным лидером социалистов на Соловках.

Ногтев пошел в больницу с тем, чтобы убедить их прекратить голодовку. Его встретили криками: «Палач!» Богданов, озабоченный тем, чтобы Ногтев своим присутствием в палате не причинил беспокойства ослабленным людям, велел сопровождающим вынести носилки, на которых лежал, во двор. Затем он спросил у Ногтева: «Что вам угодно?» Ногтев вновь попытался убедить его приостановить голодовку. «Это все, что вы можете сказать? — спросил Богданов, — отнесите меня назад, в больницу. Я не хочу разговаривать с убийцей».

В конце концов политические добились своего. В сентябре того же года была назначена комиссия, состоящая из Смирного (прокурор Верховного суда СССР), Катаняна (прокурор ГПУ) и Сольца. Но социалисты не получили от комиссии всего, чего добивались. Ногтев не понес никакого наказания за расстрел девяти человек. Комиссия установила, что он действовал в целях самообороны.

Летом 1924 года политические снова объявили голодовку, на сей раз потребовав, чтобы улучшили питание. Голодовка длилась тридцать дней. Несколько человек умерло, а около сотни было доставлено в больницу. И они опять обратились в Москву с требованиями, которые на сей раз были удовлетворены. Начиная с этого времени, они стали ежедневно получать два фунта хлеба (белого и черного), один фунт мяса, хорошее масло, молоко, яйца и т. д. И такие пайки выдаются им до сих пор.

В конце 1924 — начале 1925 года на Соловки начали прибывать университетские студенты из Москвы, Петрограда и других городов. Советское правительство стало изгонять из учебных заведений и затем арестовывать студентов буржуазного происхождения, для того чтобы освободить места для коммунистов^[31].

Прибыло три этапа. Первые два, состоявшие приблизительно из ста человек (включая тридцать студентов), приехали в Кемь в августе 1924 года. Этапы объединяли представителей всех партий (монархистов, социал-демократов, анархистов и др.). Новоприбывшие заявили, что являются заключенными политической категории и потребовали разместить себя в пещерах, с учетом всех преимуществ, которыми пользовались другие «отшельники», а также обеспечить им улучшенное питание. Администрация отказала в их просьбе. Студенты объявили голодовку, а все политические дружно поддержали их. После того, как несколько человек погибло от голода, студентов признали политическими заключенными и послали на жительство и пещеры Конд-острова.

Конд-остров расположен в десяти милях от монастыря. Прежде туда направляли «сексотов» (секретные агенты ГПУ) обоих полов. Их занятие — осуществлять слежку за заключенными и составлять на них доносы. Ногтев подкупает нужных для этих целей людей при помощи улучшенных пайков. А когда необходимость в их услугах отпадает, поселяет их в отдельных пещерах.

Третья группа студентов (в количестве двадцати шести человек, включая двух анархистов) прибыла в Кемь в апреле 1925 года. По дороге из Петрограда в Кемь арестанты чуть ли не вдребезги разнесли вагоны, в которых ехали. Администрация отказала им в требовании быть причисленными к политическим. Студенты, вновь поддерживаемые социалистами, объявили голодовку, которая

продолжалась пять недель. Ногтев обратился в ГПУ, а оно распорядилось вернуть студентов в Петроград. Их дальнейшая судьба мне неизвестна.

Все переговоры с властями политические ведут через «генерала» Эйхманса, так как посредничество Ногтева для них неприемлемо. Социалисты даже отваживаются публично бойкотировать виднейших представителей ГПУ и Наркомюста (Народный комиссариат юстиции).

В конце 1924 года на Соловки приехала так называемая «разгрузочная комиссия», состоящая из Смирнова, Катаняна, Глеба Бокия и секретаря. Заключение связывали с ней большие надежды, которые, однако, не оправдались. Комиссия действительно «разгрузила» Соловки, но только от шпаны. Уголовники, в количестве четырехсот человек, были освобождены, чего не скажешь ни об одном контрреволюционере или политическом. Во время прощания с отъезжающей шпаной Катанян заявил согнанным отовсюду арестантам: «Если освобождаемые сейчас заключенные исправятся и станут полезными гражданами Советской республики, то в будущем году я приеду еще раз и освобожу еще одну группу».

Таким образом, участь контрреволюционеров и политических была поставлена в зависимость от поведения уголовников на свободе.

Комиссия провела на Соловках три дня и большую часть времени на охоте. Чекисты истребили последних из уцелевших диких и прирученных животных (приручением в прежние времена занимались монахи). В последний день Катанян посетил пещеры Соловецкого монастыря. Но политические криками: «Убийца, убирайся! Вон, палач!» — выгнали его.

Прокурор Верховного суда Смирнов созвал собрание и выступил с длинной речью. Его доклад был всецело посвящен опровержению «бесстыдной клеветы эмигрантской белогвардейской прессы и зарубежных буржуазных газет». Особым нападкам он подверг газету социалистов-эмигрантов «Дни»^[32] за то, что она «своей преступной ложью о Соловках вводит в заблуждение пролетариат Западной Европы».

По возвращении в Москву Смирнов написал и издал брошюру под названием «Соловки» (Государственное издательство, Москва, 1925 год), в которой он заявляет, что здесь царит «полная свобода», что обращение администрации с заключенными «более чем мягкое».

И увенчивая это представление, Смирнов позволяет себе удовольствие открыто надсмеяться над заключенными. Экземпляры этой брошюры были привезены в большом количестве в Соловецкие лагеря и розданы нам — тем, кто каждый миг наслаждался «свободой, великолепной пищей и более чем мягким обхождением администрации».

Если Ногтев, Эйхманс и их приближенные только прислушивались к словам политических, то внимательное отношение со стороны низшего персонала считалось нормой.

Диалоги политических с командирами трудовых полков и отрядов, квартирмейстерами, персоналом, отвечающим за кухни и мастерские, больше походили на приказы. Их староста Богданов во время беседы с любым из представителей низших чинов комендантской всегда начинал свою фразу словами: «Мы желаем...» вместо «Мы просим...». Перед самым распределением пайков Богданов имел обыкновение наведываться к квартирмейстеру с целью выбрать для своей группы лучшее мясо, белый хлеб и т. д. Заместитель старосты — социал-демократ Мамулов, юрист из Владикавказа, пользовался такими же правами. Политические, в достатке располагая личным временем, могут обучать своих детей и воспитывать их в соответствии с собственными политическими убеждениями. Часто можно увидеть десятилетнего мальчика, сына социалиста, проходящего мимо барачных и приветствующего чекистов и охранников бранью. А когда заключенные, смеха ради, спрашивают его, к какой партии он принадлежит, он с гордостью отвечает: «Я — социалист. Долой коммунистов — узурпаторов!»

Глава 9

Участь женщин

*Ужасное общество — Как выплачиваются
карточные долги — Чекистский гарем —
«Рублевые» женщины — Венерические
заболевания*

Самое большое благо, которым наслаждаются политические, это то, что их женам и детям не приходится соприкасаться с уголовницами. Общество этих женщин ужасное.

В настоящее время в Соловецких лагерях содержится около шестисот женщин. В монастыре они расселены в «женском здании» — в Кремле. На Поповом острове им полностью отведен барак № 1, и часть других. Три четверти из них составляют жены, любовницы, родственницы и просто соучастницы уголовных преступников.

Официально женщин высылают на Соловки и в Нарынский район за «постоянную проституцию». Через определенные промежутки времени в крупных городах европейской и азиатской частей России против проституток предпринимаются рейды, с тем чтобы отправить их в концлагеря. Проститутки, которые при советском режиме объединились в своего рода официальные профсоюзы, время от времени устраивают в Москве и Петрограде уличные шествия, с целью протеста против рейдов и высылки, но это приносит мало пользы.

В характере и образе жизни женщин, представительниц шпаны, столько дикости, что их описание любому человеку, незнакомому с условиями соловецкой тюрьмы, может показаться бредом сумасшедшего. К примеру, когда уголовницы направляются в баню, они заранее раздеваются в своих бараках и, совершенно нагие, прогуливаются по лагерю под раскаты смеха и одобрительные возгласы соловецкого персонала.

Уголовницы так же, как и мужчины, приобщаются к азартным карточным играм. Но в случае проигрыша они вряд ли могут расплатиться деньгами, приличной одеждой или продуктами. Ничего этого у них нет. В итоге, каждый день можно наблюдать дикие сцены. Женщины играют в карты с тем условием, что проигравшая обязана немедленно отправиться в мужской барак и отдаться десяти мужчинам подряд. Все это должно происходить в присутствии официальных свидетелей. Лагерная администрация никогда не пресекает эти безобразия.

Можно представить себе то влияние, которое уголовницы оказывают на образованных женщин из контрреволюционного крыла. Самые отвратительные ругательства, вперемешку с которыми упоминаются имена Бога, Христа, Божьей Матери и всех святых, поголовное пьянство, неопишуемые дебоши, воровство, антисанитария,

сифилис — этого оказывается слишком много даже для очень сильного характера.

Послать честную женщину на Соловки — значит в несколько месяцев превратить ее в нечто похуже проститутки, в комок безгласной, грязной плоти, в предмет меновой торговли в руках лагерного персонала.

Каждый чекист на Соловках одновременно имеет от трех до пяти наложниц. Торопов, которого в 1924 году назначили помощником Кемского коменданта по хозяйственной части, учредил в лагере официальный гарем, постоянно пополняемый в соответствии с его вкусом и распоряжениями. Красноармейцы, охраняющие лагерь, безнаказанно насилуют женщин.

По лагерным правилам, из числа контрреволюционерок и уголовниц ежедневно отбирают двадцать пять женщин для обслуживания красноармейцев 95 дивизии, охраняющей Соловки. Солдаты настолько ленивы, что арестанткам приходится даже застилать их постели.

Старосте Кемского лагеря Чистякову женщины не только готовят обед и чистят ботинки, по даже купают его. Для этих целей обычно отбирают наиболее молодых и привлекательных женщин. И чекисты обходятся с ними так, как им вздумается.

Все женщины на Соловках поделены на три категории. Первая — «рублевые», вторая — «полрублевые», третья — «пятнадцатикопеечные» (пятиалтынные). Если кто-либо из лагерной администрации хочет «первоклассную» женщину, т. е. молодую контрреволюционерку, прибывшую в лагерь недавно, он говорит охраннику: «Приведи мне «рублевую».

Порядочная женщина, отказывающаяся от «улучшенного» пайка, который чекисты назначают своим наложницам, в скором времени умирает от недоедания и туберкулеза. Особенно часты такие случаи на Соловецком острове. Хлеба не достает на всю зиму. До тех пор, пока не начнется навигация и не будут привезены новые запасы продовольствия, и без того скудные пайки урезаются почти наполовину.

Чекисты и шпана заражают женщин сифилисом и другими венерическими заболеваниями. О том, насколько широко распространены на Соловках эти болезни, можно судить по

следующему факту. До недавнего времени больные сифилисом (и мужчины, и женщины) располагались на Поповом острове в специальном бараке (№ 8). Но их количество возросло до такой степени, что за несколько месяцев до моего побега барак № 8 уже не вмещал всех больных, и администрация сочла наилучшим способом разрешения проблемы их переброски в другие бараки, занятые здоровыми людьми. Естественно, это привело к быстрому увеличению числа зараженных.

Если домогательства чекистов наталкиваются на сопротивление, они совершают оскорбительные выпады против своих жертв.

В конце 1924 года на Соловки была прислана очень привлекательная девушка-полька семнадцати лет. Ее, вместе с родителями, приговорили к расстрелу за «шпионаж в пользу Польши». Родителей расстреляли. А девушке, поскольку она не достигла совершеннолетия, высшую меру наказания заменили ссылкой на Соловки сроком на десять лет.

Девушка имела несчастье привлечь внимание Торопова. Но у нее хватило мужества отказаться от его отвратительных предложений. После этого Торопов приказал привести ее в комендантскую, обвинив в «укрывательстве контрреволюционных документов», раздел донага и стал обыскивать на глазах у всей лагерной охраны, исследуя с особой тщательностью те части тела девушки, где, как ему казалось, лучше всего можно было бы «упрятать документы».

В один из февральских дней в женском бараке появился пьяный чекист Попов в сопровождении нескольких своих коллег (тоже пьяных). Он забрался в постель к мадам Икс. Эта дама принадлежала к наивысшим кругам общества и была сослана на Соловки на десять лет после расстрела мужа. Попов стащил ее с постели и сказал: «Не хотите ли прогуляться с нами за проволоку?» (для женщин это означало быть изнасилованной). Мадам Икс находилась в бреду до следующего утра.

Необразованных и полуобразованных женщин из контрреволюционной среды чекисты нещадно эксплуатировали. Особенно плачевна была участь казачек, чьих мужей, отцов и братьев расстреляли, после чего они и были сосланы.

Глава 10

Иностранцы узники

Шпионаж в пользу Мексики — Загадочное сообщение — Тактика ГПУ — Попытки совершить побег жестоко пресечены

Большинство иностранцев были сосланы на Соловки по обвинению в «шпионаже в пользу международной буржуазии» (статья 66). Наряду с данной статьей чекисты иногда использовали и другую, но с той же степенью безосновательности. «Юриспруденция» ГПУ удивительно искусна в обнаружении преступления там, где на него нет даже и намека.

Среди соловецких узников находится граф Вилле — генеральный консул Мексики в Египте — и его жена. Если вдуматься, человеку, живущему в Каире, довольно трудно «осуществлять шпионаж в пользу Мексики в Советской России», особенно если учесть, что консул не только не говорит, но даже и не понимает по-русски. Обстоятельства его ареста таковы.

Жена графа Вилле — грузинка, урожденная княжна Каралова. В 1924 году с разрешения Советского правительства, внеся в паспорта соответствующие дополнения, она вместе с консулом приехала на Кавказ навестить свою мать. К несчастью, именно тогда было подавлено грузинское восстание. Большевики расстреляли брата княжны — князя Каралова, а дипломата с женой сослали на Соловки на три года «за шпионаж в пользу Мексики». В феврале 1925 года они прибыли в лагерь.

Генеральный консул проживает на Соловках по дипломатическому паспорту, гарантирующему личную неприкосновенность. По прибытии в лагерь он пытался послать в Мексику исчерпывающее описание вопиющих нарушений советскими властями международных законов по отношению к себе. Но соловецкая цензура уничтожила письмо. В конце концов граф прибег к помощи эзопова языка и направил своему правительству телеграмму, начинавшуюся словами: «Я совершаю чрезвычайно интересный круиз по северной России». Очевидно, факт высылки максимального дипломата на Соловки известен за рубежом, так как незадолго до моего побега ему были присланы вещи из

Лондона, аэропланом (кстати, в момент ареста, чекисты дочиста ограбили графа). Он ведет оживленную переписку с Чичериным по-французски, требуя своего освобождения. Но Мексика слишком далеко, к тому же она не располагает ни торговым флотом, ни деньгами, чтобы дать их займы Советам, а по сему — комиссариат иностранных дел, в вежливых ответах на письма мексиканских коллег, обходит молчанием вопрос об освобождении графа Вилле. Единственным результатом переписки с Чичериным было отстранение консула от работ, но графиня Вилле, как и все контрреволюционерки, моет в бараках полы и стирает чекистам рубашки.

На Соловках можно встретить представителей разных наций — как больших, так и малых: англичан, итальянцев, японцев, французов, немцев, а также уроженцев крохотных государств. Причины их арестов, как правило, до постыдного безосновательны. Складывается впечатление, что ГПУ умышленно отбивает у иностранцев охоту посещать Россию, поближе знакомиться со страной, закладывать основы коммерческих или каких-либо иных связей с нею.

Я уже упоминал здесь о деле венгерского фабриканта Франкеля, которого Внешторг пригласил в Россию. А в результате он был сослан на Соловки. Подобного рода случаев великое множество. К примеру, эстонец Мотис поехал в Москву, чтобы посмотреть Всероссийскую выставку, и его прямо с выставки отправили на Соловки.

Во время правительственного кризиса в Литве, когда борьба партий достигла ужасающего уровня ожесточенности, член одной из проигравших партий бежал из своей страны в Советскую Россию. Он был офицером инженерных войск Литовской армии, ровным счетом ничего не знавший о Советской России и коммунистах. Он думал, что ему, как политическому эмигранту, предоставят убежище в соседней стране. Но не успел беглец пересечь границу, как его тут же арестовали, обвинив, несмотря на его энергичный протест, в «организации контрреволюционного заговора и шпионажа в интересах Литвы», и выслали на Соловки.

В монастыре и на Поповом острове содержится большое количество лиц, официально прикрепленных к дипломатическим миссиям иностранных государств. Преимущественно это поляки, финны, эстонцы и литовцы — сотрудники дипломатических представительств, консульств и миссий соответствующих стран,

арестованные по обвинению в «шпионаже», и реже — по обвинению в «спекуляциях».

Все иностранцы живут одной только надеждой, что правительства своих стран они будут обменены на коммунистов. Администрация обходится с ними самым жестоким образом. Они получают тот же паек, что и контрреволюционеры, а выполняемая ими работа большей частью чрезвычайно тяжела.

За последнее время предпринималось несколько попыток бегства. Они осуществлялись (причем, всегда неудачно) главным образом эстонцами, латышами, финнами и поляками. Поэтому Ногтев распорядился, чтобы заключенные этих национальностей не привлекались к работам вне лагерей.

Вначале попытки побега карались жестоким избиением, а затем — расстрелом (хотя, согласно правилам, максимальным наказанием является продление срока заключения на один год).

В марте 1925 года некий финн попытался бежать из Соловецкого монастыря. Сопровождаемый часовым, он направился к уборной и, перемахнув через стену, оказался на берегу моря. В этих широтах весна преимущественно наступает поздно, от чего слой льда на море, расположенном от Кремля, был еще довольно прочен для того, чтобы выдержать человеческое тело. Финн, со скоростью, на какую только был способен, бежал в сторону леса по узкой ледяной кромке вдоль берега. Побег был обнаружен, подняли тревогу, и вдогонку беглецу раздались выстрелы. Прежде чем финн достиг леса (где он мог бы укрыться и переждать до более благоприятного для продолжения побега момента и избежать поимки) лед перед ним неожиданно надломился, и беглец застыл в нерешительности. Чекисты схватили его.

Финна вернули в лагерь. Его истязали около часа с такой жестокостью, что сломались даже толстые «смоленские палки». Затем, весь окровавленный, он был расстрелян.

Глава 11

«Смена кабинета»

Новые руководители Кемлагеря — Военный

парад — Чекист-многоженец — Прежние злоупотребления продолжаются

Весной 1924 года на Поповом острове был заменен персонал. Члены же УСЛОНа (Управление Северными лагерями специального назначения) и руководители монастыря остались на своих местах. Это как раз и было то, что заключенные прозвали «сменой кабинета».

Вместо Гладкова начальником Кемлагеря был назначен Иван Иванович Кириловский, бывший сержант одного из гвардейских полков. Как уже говорилось выше, он отказывался принять руководство лагерем, до тех пор, пока центральным правительством не будет назначена специальная комиссия по проверке лагерной документации. Когда комиссия обнаружила расточительство и мошенничество в невообразимых размерах, Гладкова приговорили к 5-летней ссылке за «мошенничество и халатное отношение к возложенным обязанностям». Мамонов, имевший непосредственное отношение к преступлению, не понес никакого наказания. И вероятно поэтому, сам Гладков через два дня после вынесения приговора был прощен и получил назначение в ГПУ города Калуги.

До прибытия Кириловского, по лагерю прошла молва, что он вполне приличный человек. Скоро представилась возможность воочию убедиться в его «порядочности». Кириловский до сих пор стоит во главе лагеря, имея тех же помощников.

Его приезд оказался подходящим поводом для проведения прекрасно отрепетированной церемонии. Эйхманс (уже знакомый читателю), чьей мечтой было превратить лагеря в военные поселения аракчеевской эпохи^[33], несколько дней подряд выстраивал голодных арестантов, включая женщин и детей, и заставлял их разучивать различные движения, подчиняться словам команды — и все это было пронизано военным духом.

Когда Кириловский приблизился к лагерю, нас выстроили в два ряда. «Внимание! Равнение направо!» Староста подошел к Кириловскому с рапортом: «Во вверенном мне трудовом полку все в порядке». То же самое проделали командиры трудовых рот. Затем Кириловский поприветствовал нас: «Добрый день!».

Этот пошлый фарс продолжался в течение часа. Под конец Кириловский спросил, имеет ли кто-нибудь просьбы или жалобы на администрацию. Конечно же, вопрос остался без ответа. Если бы кто-то и набрался дерзости высказать жалобу, то его в тот же день бросили бы на Секирку (место пыток) и забили бы до смерти «смоленскими палками».

Помощником Кириловского по административной части был, как я уже упоминал, Торопов, отпетый негодяй с вытаращенными бараньими глазами. Первоначально он командовал взводом 95-й дивизии войск ГПУ, охраняющей Попов остров. Помимо безнадежной глупости, неотъемлемой чертой его характера является манера обзаводиться женой каждый раз по прибытии на новое место. На Поповом острове Торопов не удовлетворялся гаремом из арестанток и в шестой раз женился на «трескоедке» («трескоеды» — название, придуманное для жителей рыбацких поселков в окрестностях лагеря, и чьей основной пищей является треска).

Помощником Кириловского по хозяйственной части был Николай Николаевич Попов. Он на удивление хорошо одевался и, как ни странно, не являлся ни чекистом, ни даже коммунистом. Это был очень загадочный субъект. Иногда Попов говорил, что некогда был гвардейским офицером, иногда — что служил в министерстве при царе, иногда — что являлся адъютантом Троцкого. Но в любом случае он производил впечатление хорошо образованного человека и внешне походил на поляка. Попов заикался. К контрреволюционерам он относился со злобой и ожесточением. Когда заключенные, следуя на работу, проходили мимо него, он обращался к окружающим его чекистам нарочито громким голосом, чтобы услышали контрреволюционеры: «Это шайка уголовников. Вы слышите — уголовников. Они враги. Мы приструним эту свору!»

«Смена кабинета» мало изменила положение заключенных. Единственной переменной было то, что их «приструнили», а разворовывание администрацией казенных денег и арестантских, и без того скромных, пайков, стало еще более регулярным, нежели раньше. Гладков крал не таясь, Кириловский же — прикрываясь своею «честностью».

Общая картина соловецкой жизни и порядков — печальный звон колокола, сзывающий на работу; репрессии, античеловеческий

характер деятельности персонала — осталась прежней.

Глава 12

Повседневная жизнь, работа и пища

*«Место под лампой» — Работа «снаружи»
и «внутри» — Освобождение по болезни —
Ужасы лесоповала — Как нас кормили —
Заключенных морят голодом, а государство
обжуливают*

Баракы Попова острова составляют около сорока ярдов в длину и десять ярдов в ширину. В каждом из них расквартировано, как правило, от двухсот до трехсот человек. В бараках № 5 и № 6, которые в основном заняты шпаной, более семисот обитателей.

С приходом ночи становится невозможно дышать. В бараках стоит ужасный смрад. Вечером, когда заключенные возвращаются с работы, их обиталища, сплошь усыпанные щелями в стенах, отверстиями в крышах и продуваемые сквозняками со всех сторон, настолько выстужены, что людей трясет от холода, как при лихорадке. По ночам невозможно спать от духоты и человеческих испарений.

Нары расположены вдоль стен в два яруса. Каждый стремится занять верхнюю койку, поскольку, если оказаться внизу, то на голову обрушивается нескончаемый ливень из вшей, объедков, плевков. За верхний ярус разгораются буквально кровопролитные бои.

Электростанцию построили только в конце 1924 года. А до этого нечто в роде лампы — жестянка с фитилем, слегка смоченным парафином — мерцало в центре каждого барака. Это давало свет трем-четырем ближайшим койкам. Все остальное пространство было погружено во тьму. Сейчас каждый барак освещается маленькой электрической лампочкой (16 Вт.), но этого совсем недостаточно для такого большого помещения.

Под единственной крохотной лампой всегда собирается огромное множество заключенных, приноровившихся к чтению и писанию писем родственникам. Отсутствие света особенно тяжело переносится зимой. Старосты барачков используют это обстоятельство для взимания

взяток как деньгами, так и натуральными продуктами за «место под лампой».

НЭП — новая экономическая политика — оказала влияние даже на Соловки. Лагеря были переведены на принцип «самообеспечения» и сумма, ежегодно выделяемая властями на содержание Соловков, значительно уменьшилась. Так, в нынешнем (1925 году) лагеря получили только двести пятьдесят тысяч золотых рублей вместо двух миллионов, затребованных Бокием и Ногтевым.

Еды выдаваемой заключенным, не хватает даже для поддержания полуголодного существования. Администрация непременно должна прикарманить крупные суммы денег. Начальник УСЛОНа и его приспешники вытягивают из заключенных последние силы, превращая их всех в бессловесных рабов.

Работы на Соловках подразделяются на две категории: «внешние» (за проволочным забором) и «внутренние» (внутри лагеря). Для внешних работ заключенных забирали в основном с Соловецкого и Попова острова на материк. Среди заданий, попадающих под категорию внешних работ, следующие: доставка леса, осушение болот, расчистка и содержание в порядке железнодорожных путей и дорог (грунтовых и деревянных), заготовка строевого леса для лагерных нужд и на вывоз, погрузка и выгрузка лесоматериалов, камней и продовольствия и т. д. (Суда для перевозки грузов называются так: пароходы «Глеб Бокий» и «Нева», а также баржа «Клара», получившая это имя в честь немецкой коммунистки Клары Цеткин).

Под внутренними работами подразумеваются: расчистка снега, помощь на кухне и в мастерских, вынос нечистот из отхожих мест и барачков, заселенных обычными уголовниками, и прислуживание чекистам. Женщины моют полы в конторах и бараках, готовят пищу, обстирывают чекистов и красноармейцев, чинят им одежду и т. д.

Работа и зимой, и летом начинается в шесть часов утра. По инструкции она прекращается в семь часов вечера. Таким образом, на Соловках двенадцатичасовой рабочий день с перерывом на обед в час пополудни. Это принято официально. На самом же деле работа продолжается гораздо дольше, по усмотрению надзирающего чекиста, особенно часто такое происходит летом, когда заключенных заставляют работать буквально до потери сознания. В это время года трудовой день длится от шести часов утра до полуночи или часу ночи.

На Соловках нет ни воскресений, ни каких-нибудь других дней для отдыха. Каждый день считается рабочим. По великим праздникам (пасха, Рождество и т. д.) время работы обычно увеличивается для того, чтобы оскорбить чувства верующих заключенных. Только один день в году выделен как праздничный — Первое мая.

Болезнь, физическая слабость, преклонный возраст или малолетство ни в коей мере не брались во внимание. Отказ от работы по болезни, даже если она очевидна для самих чекистов, влечет за собой в качестве первоначального наказания, отправки на Секирку, а затем — расстрел, хотя согласно закону, карой за отказ от работы (даже без уважительной причины) может быть только продление срока заключения на один год.

Самое изнурительное — перевозка леса в зимнее время. Этот труд совершенно невыносим. Приходится стоять по колено в снегу, отчего бывает трудно двигаться. Огромные стволы, срубленные топорами, падают на арестантов, иногда убивая их на месте. Облаченные в лохмотья, без рукавиц, в одних только лаптях, заключенные с трудом удерживаются на ногах от слабости, вызванной недоеданием. Их руки и все тело промерзают насквозь от мучительного холода.

Минимальное дневное задание таково: четыре человека должны срубить, наколоть и сложить четыре кубических сажени (сажень — около двух ярдов) леса, и пока они это не выполнят, им не дозволено возвращаться в лагерь. Возможные осложнения, связанные с внешними работами, состоят в том, что, если заключенные не выполняют дневного задания точно ко времени возвращения в лагерь, то шпана штурмом завладевает кухней, и контрреволюционеры остаются без обеда.

Однажды меня и других контрреволюционеров послали на берег реки Кемь рубить лес, в котором была большая нужда. Поэтому на работу нас выгнали в пять часов утра. Как правило, смена часовых происходит в полдень. Но на этот раз по какой-то причине замена нашему караулу не была вовремя послана в лес. Красноармейцы, не отличающиеся особой дисциплинированностью, отвели нас обратно в лагерь, чтобы там смениться. Торопов отругал их и вызвал новый конвой. И мы снова проследовали в тот же лес под охраной — на работу без перерыва на обед. А обратно в лагерь вернулись только в четыре часа утра. Иными словами, мы проработали на страшном

холоде девятнадцать часов, исключая два внеплановых перехода из лесу в лагерь и обратно, без отдыха и еды.

На Соловках все, что только можно было расхитить, давным-давно расхитили. И все, что можно продать, уже продали. Чтобы изыскать новые ресурсы, власти заключают разные крупные трудовые соглашения на территории «автономной республики Карелии». Например, о строительстве дороги от Кеми до Ухты. Но видя, что самой Карелии грозит безработица, ВЦИК республики пожаловался в Москву на СЛОН, так как последний мог лишит куска хлеба карелов. Соглашения были аннулированы. Но соловецкая администрация, тем не менее, извлекла из них пользу. Случилось следующее. Ногтев передал на рассмотрение в Москву проекты совершенно невыполнимых трудовых обязательств на территории Карелии и запросил денежные ассигнования и спирт (последний предназначался для рабочих, надрывающихся на болотах). Как только деньги и спирт были доставлены, их сразу же поделили между собой чекисты. Причем большую долю получили ближайшие друзья Ногтева.

Так как строительные и коммерческие проекты не приносили ощутимого дохода, соловецкие власти решили улучшить свое благосостояние путем урезывания пайков. Это они и осуществляли. Теперь каждый заключенный, несмотря на всю тяжесть выполняемой им работы, стал получать один фунт черного хлеба. Хлеб выдается сразу на десять дней, и к концу этого срока становится твердым, как камень. Он всегда плохо выпечен; делают его из несвежей муки, предающей хлебу горький привкус.

Дважды в день заключенных кормят горячей пищей. Обед состоит из тарелки супа, сваренного из заплесневелой трески. В эту зловонную жидкость не добавляется ни куска масла. На ужин подается миска каши из проса или гречки, опять же без масла. Довольно часто контрреволюционеры остаются вовсе без ужина, так как шпана, проиграв в карты свои порции, до единой крошки разграбляет кухню.

Согласно лагерной документации, каждому заключенном ежедневно причитается три золотника сахара, т. е. тридцать золотников сахара на человека, с расчетом на десять дней. (Золотник составляет одну и девяносто шестую от русского фунта). На самом же деле, каждый арестант получает полстакана полузамерзшего жидкого сахара на декаду — вес его составляет всего десять-двенадцать золотников.

Чекисты разбавляют сахар водой и таким образом из каждого пайка выкраивают восемнадцать-двадцать золотников, что в условиях лагеря с несколькими тысячами заключенных в итоге составляет прибыль в два-три десятка пудов.

В документах также оговорено: заключенные получают одну восьмую фунта масла и столько же табаку. На самом деле, в лагере не выдается ни то, ни другое. Бочонки с маслом и сотни тонн табаку сбываются начальством в Кемь, а деньги прикарманиваются.

И наконец, по инструкции для каждого заключенного, находящегося на тяжелых физических работах, предусмотрено вознаграждение в тридцать пять копеек (на карманные расходы). Деньги на это присылались московским правительством дополнительно к обычному бюджету. Ни один арестант не получил этих тридцати пяти копеек. Каждый грош из «премии» идет в карманы чекистов.

Возможно даже, что до «смены кабинета» питание на Соловках было лучше, чем сейчас. Тогда заключенные получали хотя бы консервы, большая часть которых (их хватило на два года) была оставлена англичанами. Создается впечатление, что все эти пайки служат целям уничтожения арестантов, умирающих медленной голодной смертью. По моим подсчетам, человеку, занятому тяжелым физическим трудом, такого десятидневного пайка едва хватает на двое-трое суток.

Как я уже говорил выше, политические получают «улучшенный» паек, которого тоже едва хватает.

Красноармейцам выделяется «северный» паек. Он включает большое количество масла, жиров, белого хлеба и даже спирта.

Глава 13

Больничные ужасы

Больницы без лекарств — «Заключенные не должны болеть» — Сумасшедшая у власти — В смерти арестантов заинтересованы — Добрый чекист

«Медпомощь» на Соловках фактически является медицинской беспомощностью — отчасти из-за нехватки средств, отчасти из-за безучастности лагерной администрации и секретных предписаний Московского ГПУ. Единственно доступным лекарством является смерть.

Санитарные условия лагерей ужасны. Не только бараки, кухни, отхожие места и прочие постройки находятся в невероятно грязном состоянии. На Соловках даже «больницы» справедливо могут быть названы рассадниками эпидемий. Сырость, болотистая местность, отвратительная вода, миллионы комаров и вшей — все это в огромной степени способствует возникновению и распространению заболеваний.

У заключенных нет ни сменного белья, ни мыла, ни надлежащей одежды и обуви. Ослабленные постоянным недоеданием и тяжелой работой, они почти не в состоянии сопротивляться недугам.

«Больница» расположена в Кремле Соловецкого монастыря. Слово взято в кавычки потому, что в больнице этой нет никаких лекарств; постели больных ужасно грязные; пациентам выдается обычный голодный паек; само же помещение почти никогда не отапливается.

Врач, ответственный за больных, сам из числа заключенных, неоднократно пытался убедить начальника УСЛОНа в том, что отсутствие лекарств, постельного белья (больные лежат на голых досках), мыла, съедобной пищи и уборной внутри самой больницы (пациенты вынуждены выходить на улицу при любой температуре, даже зимой) сделают лечение арестантов ничем иным, как умышленным убийством. Но соловецкая администрация всегда отказывала в такого рода просьбах. На Соловки прибывают все новые и новые тысячи заключенных, и нужно очищать бараки от «лишних элементов». Однажды Ногтев на полном серьезе заявил: «Болезнь — занятие не для заключенных».

Другим, довольно типичным, образчиком соловецкой медицинской помощи является «больница» на Поповом острове. Ее возглавляет женщина — Львова Мария Николаевна. Это опытный врач. До своей ссылки она служила в Красном Кресте и побывала буквально на всех фронтах империалистической и гражданской войн. Впоследствии Львова стала «сексоткой» (секретной агенткой ГПУ), но после того как было установлено, что Мария Николаевна «неосторожно

высказывалась о тайных делах ГПУ», ее выслали на Соловки сроком на пять лет.

Эта женщина, возможно и неплохая в глубине души, была совершенно изуродована работой на ГПУ и соловецкой жизнью. Она утратила всякий самоконтроль. Никто на Соловках, будь то даже самый развращенный преступник, не ругался с таким большим мастерством, с каким это делала больничная начальница, адресовавшая людям и даже самому Богу наигрязнейшую брань. Часто уголовники ходили в больницу только затем, чтобы позаимствовать из лексикона Львовой непристойности, являвшиеся одними из самых последних ее изобретений.

Никто на Соловках (ни из мужчин, ни из женщин) не пьет так много и не доводит себя до такого скотского состояния, как Мария Николаевна. Она находится на самой низкой ступени нравственной деградации. Ее забота о больных была именно такой, какую и следовало ожидать от подобного существа. Для Львовой человеческая жизнь утратила всякую ценность. Уже сами по себе соловецкие больницы являются твердой гарантией того, что оказавшиеся в них пациенты умрут. И Львова своей грубостью, полным равнодушием к людским страданиям, которое выдает в ней бездумного человека, ускоряет смерть больных. Когда пациенты жалуются на ужасные условия в ее больнице, она всегда отвечает: «Чем хуже, тем лучше. Многие из вас еще попляшут». И при этом пускает в ход совершенно непечатные выражения.

Но у меня не поднимается рука, чтобы бросить камень в эту женщину. От жизни в сумасшедших условиях она сама сделалась сумасшедшей. Но неужели у Ногтева и прочих соловецких «начальников» нет глаз и ушей? Почему они поручили руководство медслужбой Попова острова психически неполноценной женщине?!

В начале главы я уже ответил на этот вопрос. Центральное руководство ГПУ, а вслед за ними и соловецкие чекисты умышленно повышают смертность в лагерях. Еще одним подтверждением этому является тот факт, что заключенный может быть послан на осмотр к Кемскому врачу только за собственный счет. Доктор из города регулярно посещает соловецких чекистов, чего не скажешь об арестантах.

Контрреволюционеры и политические боятся больницы, как чумы. Если заключенные из двух этих категорий заболевают и не могут вылечиться домашними средствами, они все равно, даже умирая, умоляют не переносить их в больницу. И только шпана, которая, подобно Львовой, не ценит ни собственную, ни чужую жизнь, добровольно идет туда. А в результате всего этого уголовники мрут десятками, главным образом от цинги.

От здешней воды быстро портятся зубы, а усугубляют зубную боль холод и сквозняки, гуляющие по баракам. В лагерях необходимо иметь зубных врачей. Правда, в Кремле Соловецкого монастыря имеется дантист — уже известный читателю участник американской благотворительной акции в поддержку голодающих — Малеванов, наказанный большевиками в знак благодарности за его служение людям. Но у него нет ни лекарств, ни инструментов.

На Поповом острове проблема эта решена радикальным путем. В лагере есть человек по фамилии Брусиловский. До революции он был фельдшером (или местным хирургом), а после стал чекистом в Елизаветградском ГПУ (ныне оно относится к Одесской губернии, а поначалу входило в Херсонскую). Его сослали на Соловки по 76 статье УК (вооруженный бандитизм). Несмотря на свою службу в ЧК, Брусиловский — весьма приятный, симпатичный человек. Он решил сделать все возможное для страдающих зубной болью, и каким-то образом приспособил для удаления зубов обычные кузнечные клещи.

Конечно, нельзя вылечить больные зубы, если нет никаких лекарств и инструментов. Единственный способ — выдернуть больной зуб. И пациенты всегда на это соглашались. За свои услуги Брусиловский никогда не берет денег. Он имеет огромную практику, особенно среди шпаны, у которой выдергивает зубы чуть ли не целыми рядами. В первое время Брусиловский удалял даже здоровые зубы, вероятно, набивая руку.

Этот сострадательный чекист лечит к тому же и сифилис. Его метод с отвратительным недугом тоже является «последним словом» соловецкой науки. Смесь из травяного настоя, спирта и чего-то еще впрыскивается вовнутрь при помощи обычного шприца. Но в этой области ему явно не хватает опыта, поскольку количество заболевших сифилисом в лагерях неуклонно растет, да и случаев со смертельным исходом все больше и больше.

Глава 14

Как делаются «полезные» граждане

*Основные наказания — Выстуженная
темница — «На комаров!» — Средневековая
пытка — Массовые расстрелы более не
нужны*

Руководители Коммунистической партии заявляют: «Северные лагеря особого назначения по своей сути являются исправительными заведениями». Им хочется убедить мир в том, что отбывание срока в данных учреждениях имеет своей целью сделать заключенных лучше и помочь им стать полезными гражданами Советской республики.

В действительности же, наказания, как и медицинское обслуживание, способствуют более быстрому переходу большинства заключенных в мир иной.

Отказ от работы, неповиновение властям, «контрреволюционная» пропаганда, оскорбительные слова или поступки, направленные в адрес персонала, «свидетельства» преступного прошлого (по части Васько), попытка побега — для всех этих нарушений предусмотрены различные наказания, в соответствии с тяжестью вины. Я хочу привести лишь некоторые из основных наказаний:

1. «Секирка».
2. «На комаров!»
3. Продление срока заключения.
4. «Каменные мешки».
5. Расстрел.

Эти воспитательные меры наряду с ударами по лицу, изъятием посылок от родственников (на неопределенный срок) в пользу изымающего, поркой кнутом или избиением «смоленскими палками» (без «каменного мешка») и всем прочим, широко применяются на Соловках. Вот их краткое описание.

«Секирка» — это тюрьма на знаменитой Секировой горе на Соловецком острове в двух милях от Кремля. Когда-то здесь находилась пещера одного из самых благочестивых, овечьих легендами святых обитателей здешних мест. «Провинившегося»

заклученного перебрасывают на Секирку на срок от двух до шести месяцев. Режим тут таков: арестант ежедневно получает полфунта хлеба, кувшин холодной воды и ничего больше. Все двери и окна в пещере завинчены, и заключенный полностью отрезан от внешнего мира. Темница совершенно не отапливается. Когда срок наказания истекает, там обычно застают лишь насквозь промерзший труп. Редко кто возвращается с «Секирки», да и он напоминает безжизненного скелета.

«На комаров!» — очень популярная среди соловецких чекистов разновидность наказания. Она выглядит следующим образом: заключенного раздевают донага и заставляют встать на специальный камень, что позади комендантской. Несчастного вынуждают (под угрозой «каменного мешка» и расстрела) стоять совершенно без движения, не давая ему пошевеливать даже пальцем; ему запрещено отгонять комаров, которые моментально покрывают тело страдальца толстым черным слоем. Пытка длится несколько часов. К концу наказания тело жертвы превращается в огромную язву — из-за ядовитых укусов многочисленных насекомых. Слабые погибают, а те, кто посильнее — в течение многих недель бывают не в состоянии ни сесть, ни лечь.

Продление срока заключения теперь сравнительно редко используется в качестве наказания, по той простой причине, что с недавних пор ГПУ стало осуждать арестованных на неопределенный срок. По отбытии двух, трех, десяти лет осужденный пересылается с Соловков в Печорский район, оттуда в Нарын, из Нарына в Зырянск, и так до бесконечности. За более «серьезные» нарушения чекисты бросают заключенных в «каменные мешки».

В стародавние времена все монахи в Кремле и все святые обитатели пещер имели маленькие погребки для хранения съестных припасов, выдолбленные в больших камнях, неподалеку от их жилищ. Погребки в три-четыре фута глубиной не имели дверей, и провизия опускалась в них сверху, через маленькие отверстия.

Это и были знаменитые «каменные мешки». Чекисты подводили заключенного к «мешку» и спрашивали: «Как ты хочешь влезть туда — вниз головой или вниз ногами?»

Если арестант влезает в «мешок» вниз головой, то его больше бьют «смоленскими палками» по спине и ногам; если же вниз ногами, — его

колотят по голове и лицу. Избиение продолжается до тех пор, пока все его тело целиком не войдет в «мешок», слишком низкий для того, чтобы стоять во весь рост. Поэтому истязаемый должен находиться в коленопреклоненном положении, с вытянутой вперед головой. Нахождение в «мешке» продолжается от трех дней до недели. Пайки тут те же, что и на «Секирке». Очень немногим удается вынести эту средневековую пытку.

На Соловках не практикуются массовые расстрелы, что имело место в «Белом доме», но расстрелы отдельных лиц, довольно часты и считаются обыденным явлением. Советское правительство время от времени прибегает к уничтожению определенного количества заключенных как к ответной мере: это делается во время подавления вспышек коммунистического террора в других странах. Так, например, более ста человек из числа русских и иностранцев было расстреляно после разгрома коммунистического мятежа эстонским правительством 1 декабря 1924 года, и чуть меньше — после подавления восстания в Болгарии.

Из прямых заявлений чекистов я заключил, что сейчас ГПУ не нужны систематические массовые расстрелы. Ведь существуют более «гуманные» способы достижения совершенно аналогичного результата: это медленная смерть от голода, работа сверх человеческих сил и «медицинская помощь».

Было бы заблуждением считать, что «Секирка», «каменный мешок», комары, а также расстрел являются реакцией на совершенное преступление. Заключенные всецело зависят от непредсказуемых капризов лагерной администрации, на произвол которой они брошены центральными властями. Если чекисту не нравится ваше лицо, если кто-то увидел, что вы тайком перекрестились, если вы поведали в письмах к родственникам о своей тяжелой судьбе — «Секирка» и «мешок» тут же распахивают для вас свои страшные объятия.

Глава 15

Как живут чекисты

*Роскошествующие пролетарии — Веселые
сборища в Кемпи — Отвратительные оргии —*

«Высоко держите знамя коммунизма» — Как освобождают уголовников

Концлагерь на Соловецком острове охраняется Третьим Конвойным полком войск ГПУ (всего триста винтовок), а на Поповом острове — 95-й дивизией войск ГПУ (сто пятьдесят человек).

Несмотря на хорошее питание, красноармейцы повально болеют цингой, равно как и сифилисом. Солдаты, за исключением тех, чьей обязанностью является охрана лагеря, живут на частных квартирах.

Соловецкая охрана, состоящая из уголовных элементов, которые после Октябрьской революции внезапно проявили «классовую сознательность» и десятками тысяч вступили в Коммунистическую партию, все свое время проводила за игрой в карты и распиванием самогона, в пьяных оргиях и дебошах.

В этом они следовали примеру вышестоящего начальства. Образ жизни, который ведут представители соловецкой администрации, весьма далек от пролетарского. Ногтев, Эйхманс, Васько, Кириловский, Попов ни в чем себе не отказывают. Наживающиеся за счет заключенных, «начальники» придерживаются совершенно некоммунистических принципов поведения. Напитки, одежда и другие товары доставляются им поездами из Москвы, Петрограда и Кеми. Я сам принимал участие в разгрузке двух таких составов. Они были заполнены водкой различных сортов, русскими и иностранными винами, включая шампанское и ликеры, дорогостоящей одеждой, как мужской, так и женской (для наложниц), удобной мебелью и прочим.

«Начальники» известны своими оргиями не только на Соловках, но и за их пределами — по всему северу России. Местом их дебошей обычно является Кемь, куда стекаются на разгулье чекисты из монастыря и с Попова острова.

На самом Поповом острове оргии проводятся на квартире Кириловского — коменданта Кемперраспредпункта, который еще недавно имел репутацию хорошо воспитанного человека. Как правило, почти все застолья заканчиваются дракой.

К примеру, в августе 1924 года на квартире Кириловского проходила обычная попойка. Гости и хозяин до такой степени напились, что Кириловскому сделалось плохо, и его вывели на свежий

воздух. Когда он вернулся в дом, то застал гостей, набравшихся до пороссячьего визга, блюющими прямо на стол, а свою жену лежащей на кушетке в объятиях Попова в неприличной позе.

Придя в бешенство, Кириловский стащил Попова с кушетки и отбросил с такой силой, что тот проломил головой дверь. Попов, однако, исхитрился ударить коменданта по лицу, разбив ему при этом очки. Зазвучали выстрелы. Попова отволокли домой, где он перебил кулаками все окна, и, обливаясь слезами, заревел так громко, что его было слышно по всему лагерю: «Убили, убили!»

Я склонен думать, что такой стиль жизни не является коммунистическим идеалом. Тем не менее, в ноябре 1924 года начальник УСЛОНа получил из Московского ГПУ письмо, полное благодарности. В нем выражалась признательность Ногтеву и его коллегам за то, что они «высоко держат знамя коммунизма».

Пресытившись пьяным весельем «начальники» Соловков забавляются амнистированием шпаны. После открытия навигации ежедневно освобождается до пятисот человек.

Процедура освобождения проходит так: с уголовников и уголовниц снимают последние лохмотья («казенную одежду»), всучают им железнодорожные билеты до родных мест, снабжают хлебом — в зависимости от длительности пути. А затем совершенно раздетую шпану загружают в вагоны и отправляют на станцию Кемь. Как нетрудно догадаться, значительная часть уголовников прямо по прибытии в Кемь начинает грабить, чтобы добыть хоть какие-то вещи, из-за чего бывает вновь возвращена в лагерь, где получает дополнительно год тюрьмы. Оставшаяся половина уезжает голой.

Никого из контрреволюционеров никогда не освобождали. Время от времени в лагерь просачивались слухи о том, что возможно будут выпущены на волю политические, или же перевезут в какую-нибудь тюрьму на континенте. Но эти слухи так и оставались слухами. Если политические покидают Соловки, то лишь в связи с переменой места ссылки.

Часть III

Глава I

Единственный путь на свободу

Лицемерие большевиков — Пожизненные узники — Побег студента Николаева — Провал других попыток

Группам иностранных рабочих, которые приезжают в Москву, Советское правительство дает понять, что само оно, конечно же, против существования Соловков и вполне согласно с ними в том, что Соловки заставляют усомниться в «гуманности» народной власти. «Но, — вопрошают советские руководители, — что же делать?» Контрреволюционеры не прекращают бороться с народной властью, отчего ГПУ в свою очередь настаивает на необходимости концлагерей, и при этом перекладывает всю ответственность на Совет Народных Комиссаров.

А между тем, Совет Народных Комиссаров совместно с ГПУ пожизненно заточает своих пленников на Соловки и в подобные им места. С осени 1924 года, по специальному приказу ГПУ (переданному на рассмотрение во ВЦИК и им утвержденному) каждый заключенный, отбывший срок свой на Соловках, направляется еще на три года на «вольное поселение» в Нарынский район, затем еще на три года в Печерский район, и в итоге получается двенадцать лет. Для тех, кто за это время каким-то образом ухитрился не умереть, припасена последняя «награда» — ссылка на вечное поселение в Восточную Сибирь.

Так что; в каком бы преступлении вас ни обвинили, как бы вы не вели себя на Соловках, вас никогда не освободят. Почти каждый из сосланных советскими властями обречен на гибель во время своих переездов из тюрьмы в тюрьму, из одного места насильственной ссылки в другое.

Ужасающая мысль о том, что осужден он пожизненно, что после Соловков его обрекут на новые страдания, отдадут его в лапы новому Ногтеву, новому Кириловскому, назначат ему новый паек, заставят его выполнять еще более тяжелую работу, бросят в «каменный мешок», сгноят в другой «Секирке», приводит несчастного узника к убеждению, что это бесконечное, беспросветное хождение по мукам должно быть раз и навсегда прервано при помощи бегства.

Но удачный побег с Соловков — это невероятное чудо, Ниспосланное судьбой благосклонной всего лишь к нескольким счастливицам из десятков тысяч простых смертных.

В мою бытность на Соловках я слышал только об одном случае успешного бегства с острова, при чем, арестант бежал не за границу, а в глубь России. Это был студент — медик по фамилии Николаев (контрреволюционер). Каким-то образом ему удалось устроиться на службу в комендантскую контору и войти в доверие к чекистам, умело изобразив ненависть к контрреволюционерам. Он стал управляющим всеми делами лагеря, имел в своем распоряжении образцы официальных бумаг, а иногда даже без охраны выезжал в Кемь по вопросам конторы. Студент подделал все необходимые для него документы на вымышленное имя: бесплатный железнодорожный билет, удостоверение члена Компартии. Затем Николаев отправился в Кемь, якобы по служебным делам, и долго не возвращался. Много недель спустя мы получили письмо, в котором сообщалось, что Николаев находится в Москве, шлет нам горячий привет и желает наискорейшего выезда на юг.

Все прочие попытки бегства неизменно заканчивались поимкой беглецов и преданием их мучительной смерти. Так было с финном, пытавшимся бежать в марте 1925 года; так было с группой капитана Цхиртладзе.

Шестеро контрреволюционеров во главе с капитаном Цхиртладзе совершили побег из Соловецкого монастыря в лодке, захваченной после убийства часового.

Пять дней их носило по штормовому морю. Они безуспешно пытались пристать к берегу близ Кеми. У них не было ни сил, ни пищи для их поддержания, и несколько раз им приходила мысль совершить самоубийство (опрокинув лодку). Но в конце концов один из несчастных колумбов вдруг воскликнул: «Земля!». Они причалили к

берегу и высадились поздней ночью. Беглецы были настолько слабы и истощены, что, разведя в лесу костер, в изнеможении рухнули на землю, забыв про осторожность. Там их и обнаружил соловецкий патруль. Чекисты швырнули в огонь ручные гранаты. Четверо из беглецов были убиты на месте, а двое (один из них капитан Цхиртладзе) захвачены. Капитану взрывом оторвало руку и покалечило обе ноги. Пленников отвезли в больницу, немного подлечили, а потом, после жестокой пытки расстреляли.

Только благодаря чуду, прямому Божьему помыслу, могло свершиться невозможное; и мы — я и четверо моих товарищей — уверовали в чудо и только о нем молили Бога. Он вел нас тридцать пять дней через Карельские болота и приграничные леса, а на тридцать шестой — вывел к Куусамо, в Финляндию.

Глава 2

Воплощение наших планов

*Тщательная разведка — Приезд
Бессонова — Наша группа составлена —
Нужна большая изобретательность —
Критический момент*

Мысль о побеге постоянно не давала мне покоя еще на Кавказе, в тюрьмах чрезвычайных комиссий Батума, Тифлиса, Владикавказа и Грозного. По прибытии на Соловки я сразу же начал выяснять, какие для этого имеются возможности. В Северных лагерях наведение подобного рода справок должно производиться с исключительной осторожностью.

При расспросах и выяснении обстоятельств необходимо проявить большую тонкость и деликатность. Нельзя с уверенностью сказать, кто именно из заключенных — агент ГПУ, а кто ваш единомышленник. Не редки были случаи, когда заключенные, образованные, вызывающие чувство симпатии люди, предавали своих товарищей.

Зимой 1924-25 годов я сблизился со студентом-медиком Николаевым. Он сообщил мне, что подготавливает побег. Мы, однако, не пришли к общему согласию относительно последующего этапа в

осуществлении плана. Николаев настаивал на необходимости бежать вглубь России, имея при себе все нужные документы (он обещал их подделать).

Как уже говорилось в предыдущей главе, ему самому удалось полностью реализовать задуманное. Я же, напротив, был сторонником побега за границу, по двум причинам: даже если нам удастся бежать, чекисты очень скоро смогут найти нас, останься мы в России; Кавказ — конечная цель моего пути — находился слишком далеко от Соловков, и я никак не мог быть уверенным, что доберусь туда. Итак, пока Николаев успешно пробирался через Кемь и Петроград в Москву, я томился на Соловках в ожидании более благоприятной возможности.

В одну из февральских суббот 1925 года на Соловки прибыл новый этап с контрреволюционерами. Среди арестантов находился бывший капитан Драгунского полка из личной охраны Его Величества по фамилии Бессонов. Он не провел в лагере еще и двух дней, когда спросил меня: «Как вы относитесь к мысли о побеге? Я довольно скоро намерен бежать отсюда».

Из опасения, что он может являться шпионом ГПУ, я ответил: «Я и не думаю никуда бежать. Мне и здесь хорошо».

Но скоро я поближе узнал Бессонова. Его выслали в Тобольск за «контрреволюцию» и неоднократные попытки бегства из тюрьмы. Но он все таки ухитрился совершить побег из Тобольска и добрался до Петрограда, где полгода провел на свободе. Затем Бессонов вновь попал в руки ГПУ, которое приговорило его к расстрелу. Но приговор был заменен пятью годами Соловков, с последующей ссылкой в Нарынский район. В лагере он держался независимо, не скрывал своего презрения к чекистам и не подчинялся приказам персонала.

Мы решили бежать в Финляндию. Каждый из нас искал среди заключенных спутников для рискованного путешествия. Бессонов пришел к выводу, что наиболее подходят два поляка — Мальбродский и Сазонов. Мальбродский был особенно нужным спутником поскольку располагал компасом. Находясь в тюрьме Минской ЧК, он упрятал свой компас в куске мыла, и тайно провез его на Соловки. Никаких карт местности у нас естественно не было. Направление нашего похода определялось однозначно — на запад. И для этого компас имел решающее значение.

Только те из заключенных, которые работают вне лагеря имеют шанс бежать. В последнее время администрация поручала мне составлять списки арестантов, назначаемых для выполнения различных внешних работ. Но мне самому чекисты не позволяли выходить за проволочный забор, т. к. давно подозревали меня в намерении бежать. Я столкнулся с трудной задачей — составить список, с включением в него нужных нам людей, а также с внесением туда своей фамилии.

Как правило, для внешних работ составляются группы из пяти тире двенадцати человек. Нам не было нужно такое количество людей. Следовало набрать группу, включавшую бы уже названных четырех заключенных (Бессонова, Мальбродского, Сазонова и меня) и еще одного надежного «контрреволюционера». Мне удалось вписать кубанского казака, которого мы не о чем заранее не предупредили.

Но успеху мероприятия препятствовало одно обстоятельство. Каждая группа включала в себя арестантов, входящих в состав одной трудовой роты. Бессонов относился к пятой роте, а Сазонов — к седьмой. Хотя я и рисковал привлечь внимание к списку, и без того составленному с большим трудом, мне, тем не менее, удалось включить всех наших в одну группу.

Ранним утром 18 мая 1925 года две партии заключенных были выведены на работу за пределы лагеря. Группа из шестой роты направлялась рубить лес на берегу неподалеку от Кеми, а другая, наша, — мыть бараки красноармейцев на самом Поповом острове. Это обстоятельство грозило сорвать весь наш план, т. к. с Попова острова невозможно убежать.

Все это время чекист по фамилии Мясников особенно внимательно наблюдал за мной. Иногда он говорил, что прежде был гусаром, иногда — матросом, иногда — сослуживцем Дзержинского. В лагере Мясников занимал должность помощника командира трудового полка. И находясь под его наблюдением, я был вынужден искать повод для того, чтобы именно нашу (а не другую) группу направили в лес. После минутного раздумья я подошел к заключенным из шестой роты и сказал: «Ребята, да вы же просто окаменеете в лесу в своих лохмотьях и лаптях. Вам бы лучше отправиться в бараки». Наши же, заранее готовясь к побегу, подлатали одежду и починили обувь.

На наше счастье, как раз в этот момент Мясникова куда-то вызвали, и я, подведя нашу группу к охране, сказал: «А теперь, товарищи, идем работать в лес».

Никогда еще мое сердце не билось так сильно, как в ту минуту. Нам выделили конвой из двух красноармейцев, и мы пошли на работу.

Глава 3

Наш побег: первый этап

Первоначальный успех — По нашим следам — Бессонов в роли диктатора — Следы наших преследователей — Западня

Мы рубили лес до восьми часов утра. Именно в то время проезжает товарный поезд, следующий с Попова острова в Кемь. Поэтому бежать в это время было бы очень опасно. Когда поезд скрылся из виду, Бессонов подал условный знак — поднял свой воротник. Мы сзади подкрались к солдатам и нам сразу же удалось разоружить одного из них. Второй смог оттолкнуть Мальбродского и Сазонова, которым было поручено обезвредить его, и поднял дикий крик. К счастью, мы находились в трех милях от лагеря. Я ударил красноармейца сбоку, и он упал.

Я высказался за расстрел обоих солдат: они были коммунисты и служили в войсках ГПУ, — но Бессонов убедил меня в ненужности этого, поскольку акт мести в данной ситуации не принес бы никакой пользы, и от него ровным счетом никто не остался бы в выигрыше.

В этот момент кубанский казак, который от неожиданности повалился на землю, простер к нам свои руки и взмолился: «Братцы, не убивайте!». Мы успокоили его. «Чего ради ты поднял такой шум, дурень? Никто и не думает тебя убивать. Свобода, которую ты имел на Соловках, дарована Калининым, а мы сейчас по-настоящему освобождаем тебя. Поступай как знаешь. Если ты вернешься в лагерь, расстрел неминуем. Идти с нами — дело рискованное. Если хочешь, можешь идти на юг, на свою родную Кубань. Мы обойдемся и без тебя. Так что, поступай как знаешь».

Казак пошел с нами. Кстати, его фамилия была Приблудин.

Еще раньше мы условились во что бы то ни стало следовать по установленному маршруту. Нашей главной целью было достичь русско-финской границы, расположенной в западном направлении. Мы прошли двенадцать миль точно на север вдоль железнодорожной насыпи, ведя с собой двух красноармейцев. Одного из них мы послали в западном направлении после девяти миль пути, а второго отпустили, пройдя одиннадцать миль, предварительно отобрав у обоих ботинки. По нашим предположениям, они не смогли бы добраться до лагеря раньше следующего утра, даже если бы отыскивали обратную дорогу.

Мы дошли до домика железнодорожника и попросили его продать нам хлеба (у нас было шесть червонцев, скопленных за время подготовки к побегу). Но стрелочник (очевидно, коммунист) отказал нам. Пришлось забрать еду силой. Мы нагрузили Приблудина, Мальбродского и Сазонова продовольствием, и прошли еще три мили на север. Затем повернули на восток, потом на юг, и возвратились на то же самое место, откуда два дня назад начали свой поход на север. Мы пересекли железнодорожную насыпь и взяли прямой курс на запад.

В течение первых дней мы шли без остановок целые сутки. Во время привалов, обозначенных в дневнике Бессонова (он вел его на внутренней стороне переплета своей Библии), мы едва успевали перекусить. Но скоро начала сказываться усталость. Дорог не было; мы шли по влажной почве, покрытой густым низким слоем растительности, и по бесконечным болотам.

Бессонов, который сам утвердил себя в роли безжалостного диктатора, потрясал винтовкой перед носом каждого, кто останавливался хотя бы даже на минутку, и грозился убить его на месте. Тогда он казался нам жестоким, но теперь я понимаю, что беспощадная настойчивость нашего «диктатора» в значительной мере определила успех нашего побега.

Мы еще раз резко изменили направление и стали двигаться на юг, в сторону реки Кемь. Здесь нас настигла метель. От сильного ветра мы валились с ног. Мои ботинки стерлись до дыр, но, к счастью, у меня оказалась пара старых калош, и я надел их, предварительно обмотав ноги тряпьем. Этот страшный ветер, принесший нам столько мучений, в то же время и помог нам, т. к. замел снегом наши следы.

Хлеб закончился. У нас осталось только тридцать кусочков сахара. Нам пришлось ввести «голодный паек», и при этом учитывать все до

мельчайшей крупы. Это было как раз на подходе к деревушке Поддюжное.

Приблизительная карта показывает путь нашего бегства (пункты помечены точками).

1. Соловецкий остров (в действительности он гораздо дальше от материка).

2. Рымбаки.

3. Попов остров.

4. Кемь.

5. Поддюжное.

6. Река Кемь.

7. Река Шомба.

8. Деревянная дорога.

9. Озеро Торо.

10. Озеро Муоярви.

11. Главная дорога от Куусамо до Уленборга.

Около деревушки нам бросились в глаза следы чекистов. Так как Бессонов был обут в казенные ботинки, отобранные у одного из красноармейцев, мы смогли сравнить следы и убедились, что тут прошли солдаты войск ГПУ. Просматривались и отпечатки лап собак-ищеек. Мы поняли: за нами охотятся с собаками.

Было решено следовать на запад вдоль реки Кемь без всяких отклонений. От боли в обмороженных ногах на глазах у меня выступали слезы. Но не оставалось ничего другого, как продолжать идти дальше. Приблизительно в десяти милях от Поддюжного мы встретили двух карелов. Они пришли в ужас от нашего каторжного вида. Карелы сказали, что вся республика оповещена по телефону о

том, что с Соловков бежали пять человек. За поимку каждого беглеца обещано десять пудов муки. Они видели десятерых чекистов с собаками. Кроме того, катер из Кеми, с шестью военными на борту, патрулирует реку.

Мы попросили у карелов хлеба и табаку. Они дали нам две буханки и пакет махорки (крепкий табак), за что мы заплатили им три рубля. Сдачи у них не было. Карелы посоветовали свернуть в сторону молочной фермы, что в двадцати пяти милях от Поддюжного. Через некоторое время мы обнаружили на этой ферме профессионально устроенную засаду. Но я не думаю, что два карела умышленно направили нас туда.

Приблизившись к обитаемому месту, обычно ложились на землю, и часа два наблюдали, кто входит в дом и кто из него выходит. На сей раз было проделано то же самое. Но ничего подозрительного мы не заметили. Сазонов, Мальбродский и Приблудин остались в укрытии. А Бессонов и я направились к ферме. Бессонов открыл дверь, и когда он уже собрался было переступить через порог, раздался его дикий вопль: «Красные!» Распахнув дверь, Бессонов увидел три, прямо на него наставленные винтовки. Будучи на редкость хладнокровным человеком, он и в этой ситуации не утратил самообладания, быстро захлопнул дверь и начал стрелять сквозь нее.

Я устремился к нему. Красноармейцы все еще безмолвствовали. Было бы неразумно вступать с ними в бой, и мы решили отойти в лес. Но для этого нужно было пройти мимо окна, и чекистам ничего не стоило перестрелять нас оттуда, как куропаток. Бессонов занял позицию рядом с конюшней; оттуда можно было в любой момент открыть огонь по окну, если вдруг там появится солдат. Я стоял на другом конце, с винтовкой наготове. Через некоторое время мы, покидая наши посты, сами себе отдали команду: «Бегом, марш!» и были уже почти у самого леса, когда к берегу, от устья реки Шомбы, притока Кеми, подплыл катер с шестью солдатами на борту. Те красноармейцы, что находились в доме, повыпрыгивали из окон в противоположной стене, смотрящей на реку. Я больше не видел в перестрелке никакого смысла. Однако Бессонов стрелял по катеру. Чекисты выскочили на берег и бросились к лесу. Откуда ни возьмись появилась другая лодка, заполненная плачущими женщинами и детьми из семей карельских рыбаков. Мы поспешно скрылись в лесу.

Глава 4

Ужасный переход

*Сазонов-плотостроитель — Горькое
разочарование — Кладовая косарей — Грабеж
коммунистической фермы — Неминуемая
гибель — Рекорд по плаванию*

Мы продолжали свой изнурительный путь, идя через болото, поросшее густым кустарником. Надежда сменилась в наших сердцах отчаянием. Время от времени мы падали на землю, обессиленные от истощения и усталости. Мои обмороженные ноги причиняли ужасную боль.

Мы следовали строго на юг вдоль реки Кемь, а затем повернули на запад. Падая и поднимаясь вновь, то и дело увязая в болотной жиже, мы все же сумели покрыть двадцать пять миль. Впереди возникло большое озеро. На его берегу стояло несколько рыбацких хижин. Дома никого не оказалось. Мы прихватили немного съестного, оставив на камне червонец с запиской следующего содержания: «Простите, но нужда заставляет нас заниматься воровством. Вот вам червонец».

Мы долго ломали голову, не зная — как переправиться через озеро. Попытались обойти его вокруг, прошли десять миль, но всюду нас встречала вода. Тогда Сазонов, выросший вблизи водоема, смастерил несколько необычных маленьких плотов, связывая планки чем попало. В ход было пущено все, что имелось под рукой: ремни винтовок, пояса, рубахи. После этого Сазонов перевез нас на противоположный берег. Мне запомнилось, что переправа через озеро отняла у нас последние силы.

Воскрешая в памяти весь, пройденный в те страшные дни, путь, я не могу понять, как нам удалось выдержать двойное напряжение — физическое и психическое — и не свалиться замертво где-нибудь в карельских торфяниках?

Видно, Богу было угодно спасти нас, выведя из густых болотных зарослей, чтобы мы засвидетельствовали перед всем миром: священные пределы Соловецкого монастыря превращены нечестивым правительством в места неизбывной муки.

Переправившись через озеро, мы решили двигаться строго на запад. Вокруг простирались бесконечные топи без единой тропинки. У нас не осталось ни кусочка хлеба. В течение трех дней сильный голод был единственным нашим ощущением, и поэтому на четвертые сутки, несмотря на риск угодить в засаду, мы все-таки отправились на поиски хлеба, во время которых набрали на деревянную дорогу, пролежавшую через болота. Скорее всего, ее построили англичане. На ней мы не обнаружили ничьих следов.

Проведя военный совет, мы единодушно решили повернуть на север, в надежде найти жильё. Прошли двенадцать миль — ни души. Через некоторое время достигли другого озера. На его противоположном берегу раскинулась большая деревня. Можно было слышать людские голоса и собачий лай. Мы медленно приблизились к берегу. Бессонов и Сазонов долго стояли у самой воды, крича во весь голос: «Эй, кто-нибудь!»

Наконец нас услышали. Подплыла лодка, на веслах сидел карел. «Можно ли раздобыть у вас хоть сколько-нибудь хлеба? Мы заплатим». «Хлеба раздобыть можно сколько угодно. Да и всего другого тоже, — ответил честный рыбак, — но в деревне чекисты с Соловков. Они разыскивают вас».

Мы опять углубились в заросли кустарника. Не переставая лил дождь, было ветрено. Более четырех дней мы ничего не ели, а только лишь курили. По истечении этого срока наша группа вышла к деревянной тропинке, возвышавшейся над водой. Она привела нас к маленькому домику посреди болота. Мы тщательно исследовали эту местность, но не обнаружили ничего съестного. Четверо из нас пытались развести под дождем костер из хвороста, а Бессонов продолжал изучать окрестности. Из разведки он вернулся внезапно, держа в руках пять караваев черного хлеба. Прямо на ходу Бессонов с жадностью поедал кусок за куском. Сначала я подумал, что это галлюцинация, вызванная голодом. Но нет же! То был настоящий хлеб, причем, в изобилии.

Несомненно, домик принадлежал карельским косарям. Зимой они переносят съестные припасы в дом, поскольку летом до них невозможно добраться — болота превращаются во внутреннее море. Недалеко от избушки Бессонов обнаружил деревянное укрытие, похожее на гигантский гриб. Оно открывалось посередине, и прямо

под ним лежали сотни огромных караваев, три мешка крупы, мешок соли. Наша радость не знала границ. Мы решили хорошо отдохнуть. К счастью, вероятность чекистской засады в центре болота могла быть полностью исключена, т. к. попасть сюда было практически невозможно (кроме как по найденной нами тропинке). Мы приготовили отвар из этого хлеба, пожарили мясо, наварили различных супов. Мы жили в избушке до тех пор, пока хлеба не осталось по пяти буханок на каждого.

Потом — снова на запад. Вода, вода, вода — без конца и края. Мы, имевшие по пяти буханок на каждого, шли около недели. Найденная нами тропинка вывела нас к уединенной молочной ферме. Мы спрятались и стали внимательно прислушиваться, а через некоторое время отправили Сазонова за пищей. Когда он вернулся с хлебом и маслом, нам бросилось в глаза, что из избушки выбежала крестьянка и заспешила к лодке, стоявшей на берегу. Было ясно: в этом доме живут коммунисты, и женщина отправлялась за красноармейцами. Мы сделали несколько выстрелов в ее сторону; она испугалась и вернулась в дом. Мы дочиста разграбили этих коммунистов: забрали кадку масла, большое количество хлеба и всю имевшуюся у них рыбу. У нас оказалось так много провизии, что даже Бессонов и я, которые обычно шли во главе отряда с одними только винтовками и прокладывали путь, теперь несли на плечах каждый по мешку.

К этому времени наша одежда превратилась в лохмотья. Колючие кустарники изодрали ее в клочья. Ботинки разваливались прямо на глазах. Наши всклоченные бороды сваялись, лица стали невероятно грязны, на коленках и локтях зазияли дыры. В общем, мы выглядели, как людоеды или беглые каторжники, которыми и являлись на самом деле.

Пробираясь через лес по узкой тропинке, мы наткнулись на следы солдатских ботинок и окурков самокрутки. Так как у нас больше не осталось табаку, окурок был незамедлительно поднят и каждый из нас сделал по глубокой затяжке. Сазонов и Мальбродский настаивали на том, что нужно покинуть опасную тропинку. Мы вышли к реке. Поиски брода заняли три часа, но его так и не удалось обнаружить. Нам пришлось опять вернуться на покинутую тропинку. После долгого плутания мы вышли к месту, где четко просматривались следы множества ног. Это подсказало нам, что граница где-то рядом. Но

установить хотя бы приблизительно, где она, мы не смогли. У нас не было карты, и никто не знал, сколько миль нужно пройти, чтобы достичь Финляндии. Стрелка компаса указывала нам, как идти на запад, и этим ее помощь исчерпывалась.

Мы осторожно пошли по следам. В то время, когда наш отряд огибал небольшую возвышенность, из-за большой скалы посыпался град пуль. Это оказалось настолько для меня неожиданным, что я остановился, как вкопанный. Пятьдесят или шестьдесят выстрелов были сделаны чуть ли не в упор. Мы видели вспышки от производимых со скалы выстрелов, но никого из нас даже не задело. До нас стало доходить — засаду устроили по обеим сторонам тропинки. Нас укрыл лес, особенно густой в этом месте.

Мы разбежались в разные стороны и затерялись среди деревьев. Стрельба продолжалась долго. Возможно, мы напоролись на советский пограничный отряд.

Быстро продвигаясь в западном направлении, мы вновь пришли к реке. Брод так и не был найден. Попытка обогнуть реку тоже ни к чему не привела: мы описали большой круг и в итоге вернулись на прежнее место. Через несколько дней выяснилось, что по этой реке проходит граница между Россией и Финляндией. Она считалась непреодолимой, поэтому ее не охраняли ни финны, ни русские.

Но мы должны были перебраться через реку, преграждавшую нам путь на запад. Сазонов благополучно переплыл на противоположный берег. Мальбродский ушел под воду и стал тонуть. Сильным течением его понесло вниз. Я с трудом вытолкнул Мальбродского на берег. Меня самого отнесло на несколько ярдов ниже, и я уже начал захлебываться, когда догадался приставить ствол своего ружья к речному дну и таким образом удержаться на поверхности. Мы не знали, как и поступить. У нас совсем не осталось сил. Несколько раз мы опрометчиво бросались в воду и каждый раз, вконец измученные, возвращались на берег. Тогда Сазонов вновь продемонстрировал нам свое мастерство и умение преодолеть любое течение: каждого из нас он по очереди переправил на противоположный берег на собственной спине. Это было в три часа утра 15 июня 1925 года.

Глава 5

Свобода

Языковые трудности — Счастливая уверенность — Дневник Бессонова — Требование компенсации за убытки, понесенные финскими крестьянами — Друг в нужде — Наконец-то свобода

Мы промокли до нитки. Наши патроны отсырели. Руки дрожали от холода, и не было сил даже разговаривать друг с другом. И в довершение всего, наш и без того незначительный запас хлеба был поглощен рекой. Правда, пару дней спустя мы набрали в лесу на оленя. Бессонов, ухитрившийся (в отличие от нас) сохранить свое оружие сухим, пристрелил его. На радостях мы за раз съели почти половину туши, без хлеба. Из небольшого количества мяса был сварен суп, а оставшееся, готовое к употреблению мы взяли с собой. Результатом вышеописанного пира стало всеобщее сильное желудочное расстройство. Несколько дней мы были настолько ослаблены, что с трудом передвигались.

По прошествии двух суток после переправы через реку и довольно длительного хождения, мы увидели коттедж. Мы вошли вовнутрь и попросили хозяев продать нам хлеба и другой снеди. Они нас не поняли. Говорить по-русски они не умели. Подбодряемые надеждой, что находимся на подступах к Финляндии^[34], мы спрашивали, где мы, что это за страна — Финляндия или Россия.

Пришлось прибегнуть к помощи жестов и объясняться при помощи пальцев, но и это было совершенно бессмысленно (между прочим, попав в Финляндию, мы узнали, что финское название страны — «Суоми»).

Мы взяли немного провизии и предложили хозяевам червонец, но они не пожелали его принять. Тогда мы отдали им все свои мелкие монеты — девяносто копеек серебром. На серебро крестьяне согласились. Мы уходили, сопровождаемые недружелюбными взглядами. Прошло еще несколько дней, полных неясной тревоги: пересечена ли граница, в какой стране мы находимся? Если в СССР, то

не рискуем ли мы провалить наш побег после стольких мучений, не очутимся ли мы снова в лапах чекистов?

23 июня мы вышли к большой реке. На противоположном ее берегу стояло много народу: по всей вероятности, шла подготовка к сплавке леса. В течение последних недель в глаза нам бросились определенные перемены в окружающем пейзаже: везде проглядывали признаки порядка и культуры. Да и работники на том берегу были одеты гораздо чище своих российских коллег. После долгих сомнений и раздумий мы все-таки сошлись на том, что граница осталась позади. Мы стали кричать этим людям, чтоб они прислали нам лодку. Переправившийся на нашу сторону работник объяснил нам (конечно, не без затруднений), что СССР лежит далеко позади.

В течение нескольких мгновений мы не могли вымолвить ни слова, т. к. к нашей радости примешивалась усталость. Казалось, последние силы внезапно оставили нас. Этот незабываемый момент Бессонов зафиксировал в своем дневнике только одним словом: «Финляндия».

Наш «диктатор» вел дневник на внутренней стороне обложки, ниже перечня содержания, на обороте последней, 400-й страницы «Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа» (Синодальное издание 1916 года). Ежедневно он делал коротенькие записи карандашом. Эти мало связанные между собой заметки, воистину прошедшие сквозь огонь и воду, дают наиболее полную картину всех превратностей нашего побега. Благодаря им, мы не потеряли счет дням.

Я приведу несколько характерных выдержек из дневника Бессонова:

Май 18, 1925 года. — Разоружили конвой и бежали.

21 мая. — Бивак в лесу. Из-за метели остаемся в хижине.

24 мая. — Снегопад продолжается. Прекратился вечером.

26 мая. — Снег тает. В два часа ночи отправляемся в сторону реки Кемь. В семь часов вечера пришли в деревушку Поддюжное. В одиннадцать часов вечера встретили двух крестьян. Взяли немного хлеба. Ночь. Идем вдоль реки Кемь. Настроение хорошее. В Поддюжном засада красноармейцев. Они вышли нас разыскивать.

27 мая. — Прошагали всю ночь и весь день без отдыха. Еда почти закончилась. В семь часов вечера пришли на молочную ферму в двадцати двух милях от Поддюжного. Следуя на ферму, угодили в

засаду. После перестрелки красные удрали в лодке. Мы поспешили вдоль реки, раздобыли еду у рыбаков. Еды мало. Вынуждены идти голодными. Ужасно устали. В два часа ночи ушли с берега реки, сделали привал в шесть часов утра.

28 мая. — Отдыхали весь день. Еды мало. У всех распухли ноги.

29 мая. — Ночной переход через «непроходимые» болота. Дневной отдых. Вечером устремились вперед. Отдых. Мошки. Гуси. Заяц. Полночь. Мальбродский не может идти от усталости. Отдохнули.

30 мая. — Около одиннадцати часов вечера успешно переправились через реку Шомба. Облегчение и большая радость. Славу Богу! Шли всю ночь.

1 июня. — Утром неожиданно набрели на рыбацкую избушку. Все на рыбалке. Взяли там хлеба, оставив три рубля. Большая помощь. Идем дальше. Потеряли дорогу среди озер. Сделали плот. Переправились на другой берег. Вечер. Переход без отдыха. Пошел дождь. Ужасное утомление. «Страшная ночь». Дождь так льет, что наш костер погас. Ни минуты сна. Утомление осталось.

2 июня. — Идем, как пьяные. Утром дождь прекратился. Останавливаемся на дневной отдых. Избушка. Отдыхаем весь день и всю ночь.

4 июня. — Утром пошли в деревню добыть пищу. Карелы обещали дать и обманули нас. В деревне солдаты. Еды совсем мало. Идем на запад. Что еще Бог уготовил нам?! Критическая ситуация. Трудный путь вокруг болота.

5 июня. — Отдых. Артаганович ^[35] не может идти, плохо выглядит. Двинулись в час ночи. Дует с севера. Вода, болота, ледяной холод. Непреодолимая река. Прошли шесть миль вместо запланированных шестнадцати. Маленький кусочек хлеба и «манна» в карманах в течение двух дней. Домик косарей. Гриб и огромное количество хлеба, муки и соли. Все пали на колени и возблагодарили Создателя. Почти утро. Все спят. Слава Богу! О Господи, помоги нам таким же образом и в будущем и избавь нас от врагов наших! Я верю: он нам поможет.

5 июня. — Отдых. Маленькая избушка. В данный миг я счастлив нравственно и физически. Бог явил чудо!

8 июня. — Погода изменилась. Тепло. Вода спадает. Едим каждые два часа и славим Бога. Почти ночь. Костер. Я не могу спать. Я начеку.

Обстановка хорошая. Ничего не замечено. По нашим подсчетам, по «непроходимым» болотам пройдено восемнадцать миль.

11 июня. — Шли всю ночь. Утром остановились на короткий отдых, попили кипяченой воды. Пошли дальше. Остановились в шесть часов вечера. Маленькая избушка номер два. Двинулись вечером. Как много испытаний для достижения нашей цели! По моим подсчетам, мы в тринадцати милях от границы. У меня осталось два кусочка хлеба, у Мальбродского — ни одного.

12 июня. — Рано утром выпили кипятку под маленьким навесом у озера. Тропки, озера, дождь. Привал в развалившейся избушке. Нервы. Нечего есть. Господи, помоги нам! Пошли дальше. Движемся всю ночь. Дождь, роса, холодно, тропинка.

13 июня. — Озеро. Красные. Линия патрулирования. Идем вокруг. Отдых без костра. Шесть миль на запад и ни единого признака границы. По нашим подсчетам, мы пересекли границу в полночь. Шли всю ночь. Холодно. Развели костер и отдыхаем до утра. Еды нет никакой.

14 июня. — Река. Отступление. Тропинка. Засада. Выстрелы в упор. Бог сберег нас. Хвала ему! Бегство. Назад к реке. Ужасная переправа.

15 июня. — Отдых после переправы. Обсушиваемся весь день и всю ночь. Ссора. Мир водворен.

17 июня. — Удачным выстрелом сразили оленя. Почти всего съели.

18 июня. — Двинулись утром. Остановились на отдых в полночь. Весь день стояли.

19 июня. — В семь часов вечера пересекли поляну. Отдохнули. Поляна никуда не ведет. Рейд на молочную ферму. Отдых с коровами.

21 июня. — Двинулись утром. Усталость. Неуверенность. Идти неохота. Поляна. Подошли к краю. Ушли с поляны. Телефонная линия. Сплавка леса. Финляндия!

Бессонов, видимо, не описывал в своем дневнике каждый день, так как в действительности наш побег завершился двадцать третьего июня 1925 года.

Финны приняли нас приветливо. Накормили и отправили в Уленборг. Начальник уленборгской полиции своим вниманием тронул до слез. Он не только доставил в тюрьму еду и снабдил нас деньгами, но и сам отвел меня к врачу для перевязки обмороженных ног. Я, с

виду настоящий бандит, грязный, в лохмотьях, почувствовал некоторую странность в его обходительных манерах, а в лицах встречаемых людей прочитывал полный подозрения вопрос: «Кто это угодил в ловушку шефа полиции?»

Но, тем не менее, нас не освободили сразу. Выяснилось, что владелец молочной фермы, где мы несколько дней назад взяли провизию, заплатив за нее один рубль серебром (т. к. хозяева отказались от советских бумажных денег), подал жалобу, в которой требовал компенсации в размере одной тысячи марок.

Газеты, в частности, сообщали о происшествии таким образом: «Пятеро большевистских бандитов пересекли границу и совершили вооруженное нападение на финскую ферму». Нам пришлось пробыть несколько дней в тюрьме, пока рассматривалось наше дело (сначала в Уленборге, а потом в Хельсинки). Но после Соловков и карельских лесов эта тюрьма показалась нам сущим раем.

Когда мы приехали в Хельсинки, в тюрьме с нами повидался председатель Специального Комитета по делам России в Финляндии А. Н. Феноулт. Благодаря его неиссякаемой энергии и проявленному участию, нас очень скоро освободили из тюрьмы, предоставили возможность прилично одеться и привести себя в более или менее приличный вид.

Примечательно, что Мальбродский (другой поляк — Сазонов, родом из бывшей Виленской губернии, не был признан подданным Польши), который сразу обратился к польскому Консулу, покинул тюрьму только вместе с нами, не имевшими официальной дипломатической поддержки.

Мне бы хотелось завершить свое скромное повествование словами искренней благодарности всем (как финнам, так и русским), кто проявил к нам в Финляндии столько симпатии и участия. После дикой жестокости, проявляемой человеком к человеку в концлагерях, после вопиющего эгоизма, черствости, непостижимого бессердечия, которые большевики привили несчастному народу России, прием, оказанный нам в Финляндии, тронул нас до глубины души.

Примечания

1

А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ» 1918–1956. Опыт художественного исследования т. II, М., Советский писатель. Новый мир. 1989 г. С. 17–18.

2

Думаю, что небезынтересно знать, как у Б. Ширяева и А. Солженицына упоминается побег С. Мальсагова. Вот из книги «Неугасимая лампада»: «Удачных побегов с Соловков не было. Напечатанный в Риге в 1925 или 1926 году свои бирки «Остров крови и смерти» Мальсагов бежал не с самих островов, а с одной из командировок на Кемском берегу. Но и оттуда его побег был единственным и, несомненно героическим. Три или четыре офицера, выйдя на работу в лес, разоружили и связали конвоира и без карты, без компаса устремились к финской границе. Нужно было идти тундрой и болотистым лесом не менее 300 километров, избегая больших поселков. Продовольствия у них не было, оружия — одна винтовка и две обоймы патронов. Питались, очевидно, лишь ягодами да грибами. Погоня, пущенная через несколько часов по их следу, шла все время по пятам. Ее вели собаки. Иногда беглецов настигали. Тогда их лучший стрелок маскировался и меткими выстрелами укладывал ближайших преследователей. Говорили, что пять-шесть красноармейцев было убито и ранено. Беглецы все же дошли до финской границы, были приняты генералом Маннергеймом и позже переехали в Ригу, где Мальсагов и выпустил свои очерки». (Б. Ширяев «Неугасимая лампада», «Смена», 1990 г., № 4. С. 98–99). Из «Архипелага ГУЛАГ»: «А еще по морю бежала группа Бессонова, 5 человек (Малзагов, Малбродский, Сазонов, Приблудин). И стали в Англии выходить книги, даже, кажется, не по одному изданию (Юр. Дм. Бессонов, «Мои 26 тюрем и мое бегство с Соловков». (А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ» 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. II. С. 58).

Как видим, давность события и отсутствие самой книги С. Мальсагова в СССР несколько исказили истинную картину.

3

Дженнет Скибневска, урожденная Джабагиева, дочь Вассан-Гирея Джабагиева, после революции эмигрировавшего в Польшу, а затем в Турцию. В. Джабагиев во время второй мировой войны осуществлял гуманнейшую и благороднейшую миссию: через Международный Красный Крест облегчал горькую участь своих земляков, томящихся в немецких концлагерях, от которых заведомо как от предателей отказалась советская родина во главе с Отцом народов. Многие из них, выжившие после ада 40-х — 50-х годов, помнят об этом. Но и теперь еще имя В. Джабагиева не восстановлено во всей исторической правде и полноте. Он имел право иметь свою собственную точку зрения на пути развития народов Кавказа, так же, как и мы должны иметь право знать всю, а не выборочную правду о его общественно-политической деятельности 10-х — 60-х годов.

4

Об одном покушении Дж. Скибневска рассказала следующее: «Как-то раз Созерко сообщили, что в одном доме его ждут с письмом от родных с Кавказа. Он понесся по указанному адресу, где на пятом этаже его ждал человек огромного роста. Драка началась сразу же, и невысокий Созерко сумел сбросить энкаведиста с пятого этажа и спасти свою жизнь. Об этом случае долго говорили в Варшаве встревоженные земляки и друзья деда.

5

Будучи очень привлекательной молодой женщиной, Дженнет Скибневска умела ловко провозить оружие под матрасом коляски своего новорожденного сына. Рискуя жизнью, она провозила коляску с ребенком и оружием через немецкие кордоны. В 1988 году, глядя на эту пожилую интеллигентную женщину, трудно было поверить, — что за ее плечами такое героическое прошлое.

6

Две вариации на одну тему, по спущенной свыше схеме, самозабвенно исполнили в «лучших» отечественных традициях В. Аргунов в 1965 году и Х. Боков в 1970 году в своих пасквилях.

7

ЧСИР — член семьи изменника родины. Одна из зловещих сталинских аббревиатур.

8

Метех — Прежде замок грузинских царей, позже используемый как тюрьма.

9

РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Нынешнее название Советской России — СССР.

10

Могилевский был следователем по делу миссис Стен Хардинг во время ее заключения в Москве в 1920 г. См. ее книгу «Преисподняя в государстве» (изд. Эллен и Ануин).

11

ГПУ — Государственное политическое управление, нынешнее официальное обозначение ЧК. Фиктивное «упразднение» ЧК В 1922 г. и его замена ГПУ иронически описаны мистером Джоржем Поповым в его книге «ЧК». Синонимические термины «ГПУ» и «ЧК» используются автором идентично.

12

Горская республика. Отсюда и сокращенное название Горчека.

13

Третий Коммунистический Интернационал.

14

Город Холмогоры на р. Северная Двина, в 46 милях к юго-западу от Архангельска.

15

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

16

СЛОН — Северный лагерь особого назначения. СЛОН — по-русски означает слон. Игра слов не может быть воспроизведена на английском языке.

17

Кемперраспредпункт — это ужасное сокращение — типичный образец советской официальной фразеологии, обозначает Кемский пересыльно-распределительный пункт. Эти скучные официальные наименования не представляют абсолютно никакого интереса для обычного читателя и приводятся здесь для изучающих проблемы Советской России.

18

Нарын — в Западной Сибири на реке Обь.

19

Туруханск — в Северо-Западной Сибири, близ устья Енисея.

20

ЧОН — части особого назначения.

21

ВОХР — отряд внутренней охраны.

22

Для контрреволюционеров и уголовников.

23

Деревянные дороги выделены двойной линией, грунтовые — одной, пунктирной, маленькие тропинки — просто точками.

24

Они получили убежище в Финляндии после подавления восстания в восточной Карелии в начале 1924 года.

25

Термин «нэпман» применяется к деловым людям, разбогатевшим при НЭПе (новой экономической политике, введенной в 1922 году).

26

Луначарский А. В. — Народный комиссар просвещения в Советском правительстве.

27

Савинков Б. — известный руководитель социал-революционеров.

28

Название, обычно даваемое людям, придерживавшихся прежде антисоветских настроений, но которые изменили своему политическому курсу и сделались послушными большевистскому правительству.

29

Сексоты — секретные сотрудники ГПУ.

30

Чеченцы — кавказская национальность.

31

Из книги «ЧК». Георгий Попов. С. 257–259.

32

Сначала издавалась в Берлине, сейчас — в Париже. Редактируется Керенским.

33

Граф Аракчеев (1769–1784) — выдающийся русский военный деятель. План военных поселений, который он безуспешно пытался осуществить, был частью большого количества проектов императора Александра I.

34

Язык не был для нас точным доказательством, т. к. крестьяне по обе стороны границы говорят по-фински.

35

Артаганович — С. А. Мальсагов.